

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "GLOBUS"
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

XXIII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»
(19 августа 2017г.)

г. Санкт-Петербург- 2017
© Научный журнал "Globus"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам XXIII международной научно-практической конференции: «Общественные науки в современном мире» г. Санкт-Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – С-П. : Научный журнал "Globus", 2017. – 48с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал "Globus"

Электронная почта: info@globus-science.org.ua

Официальный сайт: www.globus-science.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Волкова А.И. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУРСКОГО КРАЯ	4
Григорьев А.А. ЗНАКИ-ИНДИКАТОРЫ ОСВОЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ МЕГАЛИТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	8
Тушканов Д.И. МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.	16

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Серова Д.Н. УПРАВЛЕНИЕ АУТСОРСИНГОВЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ	21
---	----

ФИЛОЛОГИЯ

Сипрова А.А. СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЭТИКИ АБСУРДА В ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ РОССИИ РУБЕЖА XX-XXI ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ В.О. ПЕЛЕВИНА)	26
---	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Якушева Н.Ю. ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ	35
Шиповская Л.П. ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ.....	43

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУРСКОГО КРАЯ

Волкова Анна Ивановна

*аспирантка 3 года обучения кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
г. Курск, Курская область*

Аннотация: В статье рассматриваются возможности официальных изданий периодической печати Курской губернии XIX – начала XX века как источника по истории Курского края с древнейших времен. Представлена характеристика и особенности публикации материала на историческую тематику официальными изданиями Курской губернии, а именно газетами «Курские губернские ведомости» и «Курские епархиальные ведомости».

Ключевые слова: периодическая печать, история прессы, газета, официальные издания, публикация, «Курские губернские ведомости», «Курские епархиальные ведомости», провинция, Курская губерния.

В настоящее время в отечественной историографии большое внимание уделяется локальной истории. Периодическая печать российской провинции является информативным источником по истории регионов, областей, районов, отдельных населенных пунктов. Провинциальная курская пресса играет важную роль в изучении вопросов истории Курского края.

На страницах ведущих курских газет XIX века находят свое место, как небольшие заметки, так и целые блоки статей, публикуемые в нескольких номерах издания. Курские газеты отдавали целые полосы для размещения материалов по истории края, здесь впервые были опубликованы многие научные исследования по филологии, географии, этнографии, археологии, истории Курского края с древнейших времен.

Представителями официальной прессы в Курской губернии являлись две газеты – «Курские губернские ведомости» и «Курские епархиальные ведомости».

«Курские губернские ведомости» как официальное издание Курской губернии и посредник между центральной и местной властью размещало постановления правительства и распоряжения местного начальства, известия о движении по службе, наградах и т.д. Многие статьи издания касались как в целом губернии, так и определенных территориальных единиц. Материалы по истории находили свое место в неофициальной части газеты. Здесь регулярно публиковались исторические и статистические мате-

риалы о губернии, которые были достаточно интересны и для читателей газеты, и для современных исследователей. Так, в № 11 газеты за 1867 год находим информацию о заштатных городах Курской губернии – Богатом, Мирополье и Хотмыжске [3]. В следующем номере газета опубликовала материал о еще нескольких наиболее крупных городах губернии – Белгороде, Грайвороне, Дмитриеве (на Свапе), Короче, Льгове, Старом Осколе, а также губернском центре – Курске [4]. В подобных статьях дано краткое статистическое описание городов, историческая справка по каждому из них. Указанные публикации являются примером цикла статей, размещенных в нескольких номерах одного издания и объединенных одной темой, в данном случае это история городов Курской губернии. Как правило, подобный цикл статей на одну тему встречается только в официальных губернских изданиях, что может быть объяснено государственной политикой, пытающейся привлечь интерес населения к истории своих населенных пунктов, территорий, административных единиц через средства массовой информации, и что косвенно подтверждает «заказной» характер подобных публикаций. Следует отметить, что данные публикации действительно привлекали интерес и среди населения, и среди исследователей, что способствовало развитию исторического краеведения, а также увеличивало популярность издания.

В 1890-х годах «Курские губернские ведомости» часто обращаются к истории Курского края, публикуют на своих страницах различные заметки и статьи по данной теме. Особенно ярко это проявляется в период, когда неофициальную часть газеты редактировал известный курский историк, краевед, талантливый редактор и журналист Анатолий Алексеевич Танков. Его статьи регулярно помещались в издании и, в основном, были посвящены истории и культуре родного Курского края. Например, «Бой русских с турками в г. Белгород», в которой подробно рассказывается о беспорядках между пленными турками и русским населением, случившихся в городе Курской губернии, в настоящее время в областном центре Белгородской области [11, 12, 13, 14, 16]. Достаточно информативен и цикл статей А.А. Танкова, опубликованный в нескольких номерах газеты по теме «Освобождение крестьян в Курской губернии» [6, 7, 8]. Интересны и другие статьи редактора губернского издания, такие как «История пожарных команд курской губернии», «Театральные заметки», цикл статей «Новые сведения о Новооскольском кустарном сапожном промысле», «К истории края» и т.д. [5, 8, 9, 10, 15] Количество публикаций и регулярность их выхода говорят о возросшем интересе местных жителей и образованной читающей публики к истории родного края.

Официальное издание Курской губернии помещало на своих страницах множество статей по истории территорий, входивших в ее состав. Здесь можно было найти сведения о торговле и промышленности; известия о кустарных промыслах в губернии; корреспонденцию из уездов губернии; сведения о деятельности администрации, земства и городских обществен-

ных управлений; судебные известия, а главное, исторические статьи и заметки, касающиеся прошлого Курской губернии.

Регулярно появляющиеся на страницах издания небольшие заметки, публикации, статьи, научные исследования свидетельствуют о том, что газета уделяла постоянное внимание истории Курского края и становилась при этом важным источником информации. На страницах издания можно найти разнообразную информацию по истории как отдельных административных единиц Курской губернии, так и в целом по истории края. Первая курская газета для современных исследователей является ценным источником по многочисленным вопросам истории Курского края.

Вопросы религиозной истории Курской губернии представляется возможным найти в официальном религиозном издании – «Курских епархиальных ведомостях». Газета постоянно освещала события истории Курского края. Особенно активно размещала на своих страницах исторические статьи и исследования в годы, когда ее неофициальную часть курировал преподаватель Курской духовной семинарии Николай Петрович Сенаторский. Он активно сотрудничал и с другими местными курскими изданиями, опубликовав ряд значительных работ на исторические темы. Например, в 1888 году вышла его статья «Христианство в России до св. Владимира», чуть позже были опубликованы «Исторический очерк города Рыльска в политическом и церковно-административном отношении» и статья «Святой равноапостольный князь Владимир» [2, с. 83]. Н.П. Сенаторский составил несколько учебных пособий по истории и географии Курской губернии, одна из его книг «Географический очерк Курской губернии» стала учебником.

Несмотря на специфику религиозного издания с газетой активно сотрудничали светские авторы, например, уже упоминаемый нами известный курский исследователь, историк и краевед А.А. Танков. На страницах епархиального издания он также обращался к вопросам истории Курской губернии и Курской епархии. Здесь были опубликованы его статьи «Некоторые черты из истории Курской епархии», «Курское духовенство полвека назад», «К истории «Комиссии уложения» в царствование императрицы Екатерины» и некоторые другие [1, 24]. Благодаря А.А. Танкову в газете появились новые жанровые формы. Издание перестало быть строго религиозным и приобрело интонацию свободного заинтересованного обсуждения.

Популярны «Епархиальные ведомости» были благодаря традиционным развернутым историческим очеркам и обзорам, которые регулярно публиковались в неофициальном отделе. Так, в июле 1871 года в газете были опубликованы «Материалы по истории Курской епархии» [19, 20]. И далее газета постоянно освещала события истории Курского края, однако чаще всего, учитывая специфику издания, авторы подобных статей обращались к религиозной истории. Например, на протяжении 1871 года вышел в свет цикл статей «Белгород и его святыни» [17, 18, 21].

Почти в каждом номере газеты публиковались статьи мемуарного жанра и непосредственно сами мемуары. В основном, подобные материалы принадлежали перу священнослужителей Курского края, хотя достаточно часто в «Курских епархиальных ведомостях» можно найти и мемуары простых мирян. Особенно интересны в этом отношении воспоминания прихожанина Сергиево-Казанского собора города Курска А.Н. Дружинина [22, 23]. Воспоминания Дружинина были опубликованы в виде дневника, который автор вел с 1812 по 1853 год. Данный дневник является уникальным источником по истории Курского края: в нем зафиксированы многие важнейшие события Курска указанного периода, особенно подробно описаны события церковной истории города [22, 23]. К сожалению, дневник был опубликован в газете лишь частично.

Таким образом, официальные издания курской периодической печати XIX – начала XX века являются важным источником в изучении политической, социально-экономической, религиозной истории Курского края с древнейших времен. И «Курские губернские ведомости», и «Курские епархиальные ведомости» размещали на своих страницах достаточно большое количество исторического материала, среди которого были и небольшие заметки, и серьезные циклы статей, и научные исследования по истории, археологии, религии, филологии, географии, этнографии. Подобные публикации развивали интерес населения губернии к истории своего края, подталкивали ученых, исследователей, краеведов к изучению различных вопросов его истории, а также были ценным источником информации. Данные материалы не потеряли своей актуальности и ценности и для современных исследователей. Еще раз отметим, что в настоящее время публикации официальных изданий Курской губернии XIX – начала XX века являются одним из важнейших источников по истории Курского края.

Список литературы:

1. Бугров Ю.А., Амоскин А.С. Танковы. – Курск, 2003.
2. Волкова А.И. Провинциальная периодика рубежа XIX–XX вв. как источник по истории церкви (на примере «Курских епархиальных ведомостей») // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Международной научной конференции, Иваново, 23–24 марта 2016 г.: в 2 ч. – Иваново, Изд-во Иван. гос. ун-т, 2016. – Ч. 1. – С. 80–87.
3. Курские губернские ведомости. 1867, № 11, 18 марта.
4. Курские губернские ведомости. 1867, № 12, 25 марта.
5. Курские губернские ведомости. 1889, № 21, 17 марта.
6. Курские губернские ведомости. 1889, № 49, 4 июля.
7. Курские губернские ведомости. 1889, № 75, 3 октября.
8. Курские губернские ведомости. 1889, № 85, 7 ноября.
9. Курские губернские ведомости. 1890, № 57, 31 июля.
10. Курские губернские ведомости. 1890, № 62, 17 августа.

11. Курские губернские ведомости. 1898, № 101, 14 мая.
12. Курские губернские ведомости. 1898, № 102, 16 мая.
13. Курские губернские ведомости. 1898, № 107, 22 мая.
14. Курские губернские ведомости. 1898, № 157, 24 июля.
15. Курские губернские ведомости. 1898, № 224, 18 октября.
16. Курские губернские ведомости. 1898, № 234, 1 ноября.
17. Курские епархиальные ведомости. 1871, № 7, 10 апреля.
18. Курские епархиальные ведомости. 1871, № 9, 1 мая.
19. Курские епархиальные ведомости. 1871, № 13, 1 июля.
20. Курские епархиальные ведомости. 1871, № 14, 15 июля.
21. Курские епархиальные ведомости. 1871, № 19, 10 октября.
22. Курские епархиальные ведомости. 1903, № 17.
23. Курские епархиальные ведомости. 1903, № 19.
24. Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. – Вып. 2. – Курск, 1997.

ЗНАКИ-ИНДИКАТОРЫ ОСВОЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЭПОХУ МЕГАЛИТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Григорьев Алексей Алексеевич

*Доктор географических наук, профессор кафедры Страноведения и
международного туризма СПбГУ. Санкт-Петербург*

Мегалитическая цивилизация на первый взгляд оставила современникам только одних немых свидетелей эпохи – рукотворные каменные сооружения [2,4,7,10,11]. В самом деле, спустя тысячелетия никаких материальных свидетельств этой эпохи, кроме изделий из камня, казалось бы, и не могло сохраниться. Однако, следы этой культуры весьма многообразны. Они повсеместны, являются неотъемлемой частью нашего менталитета [3,5,6].

1. Лингвогеографические и этнографические знаки мегалитической культуры. Ранее была доказана непосредственная связь топонимов с санскритскими формантами с мегалитическими сооружениями самых разных видов [1]. Она указывает, что авторы топонимов и создатели каменных памятников были одни и те же. Поэтому все такие топонимы - один из непосредственных элементов нашей современной культуры и менталитета. Остановимся только на некоторых общеизвестных географических наименованиях. Помимо солнечных топонимов с формантами кон (кан), ра в топонимах присутствует другой санскритский формант инд (вода, река). Он отображает существование большой общности, которая в разных районах именовалась по-разному – синды, венеды, энеты, генеты, винды, венды. С ним связаны многие названия населенных пунктов в том числе городов Европы.

Среди них Виндава (старое название) или Вентспилс – город порт на Балтийском море в Латвии. Предшественник Вены назывался Виндобона. Один из самых известных из крупных городов Италии – Венеция (также именуется область и провинция). Некогда здесь была область Венетия.

Приведенные примеры названий поселений и больших городов не удивительны. Ведь всюду на этих территориях обитали венецы (винды, венды, венеты). Так, на так называемой карте Птолемея на территорию Францию (2 в. н. э) показан (среди прочих) народ венеты (veneti). Имя этого же народа можно увидеть на таких же древних картах северной Италии, Швейцарии и других районов Европы. Не меньший интерес представляют топонимы с формантом рос или рус [3].

Мегалитическая цивилизация оставила в наследство некоторые знаки, которые вошли в достаточно широкий обиход. Среди них, знак свастики. Этот знак известен еще из санскрита и переводится на русский язык буквально как благоденствие, пожелание удачи. Считается, что он появился в конце палеолита. Он является символом Солнца и света, а также движения и в целом жизни и благополучия. Примером этого знака мегалитической эпохи может служить знак, выложенный курганами в Тургайском прогибе в Казахстане, вдоль древнего пути миграции создателей мегалитической культуры – индов (синдов), отмеченный соответствующими топонимами. Не менее выразителен этот же знак, зафиксированный в виде вырубки на скале в Парке каменных изваяний на р. Вуокса на Карельском перешейке [3].

В современном мире знак Солнца имеет широкое распространение, прежде всего в странах с буддийской религией. Вместе с тем в разных странах мира этот знак встречается в орнаменте мечетей, и даже православных церквей В первые годы Советской власти знак Солнца и круговорота была широко распространена, в том числе на денежных купюрах. Этот знак в 30-е годы XX в. стал одним из символов фашизма. Поэтому в Европе он стал объектом крайней неприязни (в СССР в годы Великой Отечественной войны сотрудники спецслужб НКВД уничтожали всю утварь и одежду с этим знаком, найденную даже в глухих деревнях у крестьян).

Впрочем, и сейчас это древний знак Солнца, Коловорот (коло – Солнце) иногда можно видеть на одежде, утвари русских крестьян, как в Северной, так и в Центральной России. Так, например, он был зафиксирован участниками нашей экспедиции на заброшенном доме на одном из полуостровов на севере Онежского озера в республике Карелия. Основательные исследования использования знака коло (также - ярги) русскими крестьянами можно найти в работах П.И.Кутенкова.

Один из древнейших и распространенных знаков – это спираль с весьма многоаспектным значением. Главные среди них – циклы в природе (в том числе Солнца и Луны), жизненные циклы, рождение и смерть, жизнь и смерть. Знак инь и янь, разновидность двойной спирали, символизирует равновесие противоположностей. Изображения спиралей обнару-

жены в палеолите. Они встречаются и на мегалитах разных районов планеты. В том числе на стенах гипогея – подземного мегалитического храма на о. Мальта, на стенах мегалитического сооружения Ньюгрейндж в Ирландии, каменной гробницы, скрытой в холме-кургане. Знак лабиринта изображен, в частности, на одной из каменных глыб при входе в холм-курган.

В современной культуре спираль распространена не менее широко, чем знак Солнца. Ее изображение можно видеть в качестве элемента орнаментов на предметах быта, прежде всего одежды, тканях. Она встречается в произведениях архитектуры и весьма широко - в рекламе. Знак, «родственный» спирали – лабиринт, то есть спираль, разорванная на части, в которой можно запутаться. Возраст изображений знака лабиринта весьма древний. Так на стене усыпальницы на о. Сардиния он был создан около 4 тыс. л.н. и, возможно, еще раньше. Согласно концепции А.Н. Параниной [8], проверенный в полевых экспедиционных условиях, лабиринт представляет собой измерительный комплекс и использовался как компас, часы и календарь.

В заключение отмечу удивительные элементы сходства в изображении знаков Солнца, спиралей, крестов, рисунках орнамента на посуде, одежде, утвари, деталях архитектуры у славян и ариев Индостана и Ирана. В разное время они были замечены разными специалистами – Б.А. Рыбаковым, Н.А. Гусевой, С.В. Жарниковой и, наконец, А.В. Рачинским и А.Е. Федоровым [9]. Это сходство объяснимо, поскольку оно связано с единством славян и ариев, которое наблюдалось свыше 3500 л.н. Сказанное подтверждается археологическими изысканиями и существованием на территории Русской равнины единой славяно-арийской галогруппы.

2. Отображение мегалитической культуры в преданиях, литературе и искусстве. Следы мегалитической культуры отчетливо просматриваются в преданиях разных народов. Мегалиты всегда поражали людей своими большими, а иногда громадными размерами. Таковы были пирамиды, подземные тоннели или огромные статуи-исполины и скульптуры различных животных [2]. Поэтому издавна сложилось представление, что сами мегалиты были предназначены для великанов. Такое мнение подкреплялось и огромным весом каменных блоков, из которых построены многие сооружения (вспомним Баальбек в Ливане, пирамиды в Гизе).

Сказанное позволяет понять, почему в преданиях разных народов говорится именно о великанах – создателях мегалитических сооружений. Так, согласно преданиям, великаны сооружали Стоунхендж, доставив огромные блоки из Африки в Ирландию, а оттуда – на территорию Англии. Племя гигантов (потомки «падших» ангелов) строило на территории Израиля примерно 5 тыс. л.н. "Гальгаль Рефаим" (колесо Великанов).

Во многих местах планеты наблюдается хаотичный разброс мегалитических блоков. В частности на многих Чертовых местах в Центральной России, на побережье высокогорного озера Титикака в Боливии. При этом

вспоминаются легенды Древней Греции о битве титанов и богов, древнеиндийские предания о битвах злых демонов (асуров) и богов и т.д.

Следы мегалитической цивилизации сохранились не только в преданиях, но стали неотъемлемой частью художественной литературы. О великанах говорится в поэме Одиссей древнегреческого поэта Гомера (VIII в. до н.э.). Представления о прошлом человечества, великанах и карликах стали неотъемлемой частью многих литературных произведений спустя столетия и даже тысячелетия. Вспомним Франсуа Рабле (1494-1553 гг.), автора великого сатирического романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». В этой книге, сатире на современное ему общество, главные герои – великаны. К теме о великанах и лилипутах обращался и великий англо-ирландский писатель и философ Джонатан Свифт (1667-1745 гг.) в сатирическом романе «Путешествия Гулливера». Вспомним и национального поэта А.С.Пушкина (1799-1837 гг.) и его поэму «Руслан и Людмила». «Одним из действующих лиц» в поэме была говорящая голова великана. Все перечисленные авторы, в том числе, возможно и А.С. Пушкин, видели мегалитические образования на местности. Особенно ими «переполнена территория Франции.

Разумеется, менталитет современного человека, реминисценции о далеком прошлом человечества – эпохи мегалитов сформировались также и под влиянием художников и скульпторов. Безответной любви безобразного циклопа Полифема к нимфе Галатее в XVI-XVII вв. посвятили свои полотна многие художники и среди них великий Никола Пуссен (1594-1665 гг.), написавший картину «Пейзаж с Полифемом». Романы Франсуа Рабле – «Гаргантюа» и «Пантагрюэль» были наилучшим образом оформлены французским художником Густавом Доре (1832-1883 гг.). Он также был иллюстратором величайшего эпического произведения – Библии, в которой упоминается существование на Земле в далеком прошлом великанов. Вспоминается его иллюстрация окончания сражения Давида с побежденным им великаном Голиафом.

Замечательным художником – рисовальщиком-иллюстратором был другой гражданин Франции – Жан Гранвиль (1803-1847 гг.). Именно его иллюстрации создают наиболее запоминаемые и удачные образы великанов и лилипутов, в страны которых попал герой сатирического романа Джонатана Свифта Гулливер. Не менее выразительна и запоминаема иллюстрация уже упомянутой говорящей головы великана отечественного художника-графика И. Билибина (1876-1942 гг.) к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Из европейских авторов, которые в своем творчестве отображали следы древней мегалитической культуры, непонятной, загадочной, был великий английский художник-философ и поэт Вильям Блейк (1757-1827 гг.). В поэме «Иерусалим», большой пророческой книге автора, иллюстрированной гравюрами, приведено изображение огромного мегалита – трилитона, явно напоминающего Стоунхендж. И в самом деле, художественный образ

таинственного каменного сооружения был навеян В. Блейку, по-видимому, хорошо знакомому с реальным каменным памятником. О нем - Стоунхендже, не раз упоминается в поэме. Блейк, будучи философом, видел в каменном сооружении реминисценцию об эпохе единой древней религии человечества.

Из отечественных художников к мегалитическому прошлому человечества также обращался великий художник, философ и путешественник Н.К. Рерих (1874-1947 гг.). В произведениях русского этапа своего творчества (до отъезда в Индию) он интуитивно обращался в своем творчестве к изображению загадочных элементов природы Русского Севера и в целом Севера Европы. Среди них «Идолы», 1901 г. в кольце камней, «Триумф викинга» с изображением курганов, окруженных валунами. Некоторые скалы им изображены с явно выраженными прямоугольными очертаниями – то ли природного (тектонического генезиса), то ли рукотворно обработанные (Эскиз. 1917-1918 гг.). Иногда такие глыбы на его картинах видятся как установленные («Камни и скалы. Ладога». 1918).

Художник, хорошо знакомый с историей северного края и бывший даже участником археологических раскопок словно ощущал загадочное прошлое этой земли. На одном его полотне изображены легендарные подземные жители – гномы («Чудь подземная». 1929-1930.). И этим его картины отличаются от произведений других замечательных русских художников, например, М.Нестерова, И. Глазунова. Впрочем, к более глубокому пониманию этого прошлого Н.К. Рерих пришел уже путешествуя по Тибету. Там он познакомился с древними эпосами индусов, в том числе устойчивым представлением в них о своей северной Родине. В Тибете он увидел и запечатлел типичные мегалитические сооружения и в том числе менгиры.

В произведениях скульптуры также отображены некоторые элементы мегалитической культуры. Во многих музеях мира хранятся скульптуры героев греческой и римской легенд, в том числе великанов Антея, Геркулеса. Так, в Эрмитаже в Петербурге можно видеть изваяние Геракла, римскую скульптуру II в н. э., выполненную по греческому образцу IV в. до н.э. Составной частью комплекса зданий Эрмитажа является здание Нового Эрмитажа. Его портик подпирают фигуры Атлантов.

Атланты являются своего рода одним из символов северной столицы. Они давно стали частью петербургского фольклора. Горожане и приезжие дабы исполнились желанья приходят к атлантам Нового Эрмитажа, чтобы прикоснуться (в одиночестве) к большому пальцу любого из них. Особенно это стремятся сделать молодожены. Создано даже музыкальное произведение – песня «Атланты», сочиненная в 1963 Г. А. Городницким.

Несомненной реминисценцией о мегалитической культуре является скульптурные изображения сфинкса. Напомню, что известны изваяния сфинксов явно «допотопного» времени [2]. Значительно хуже сохранившиеся по сравнению с египетскими в Гизе (что зависит и от состава по-

род), скульптурные изображения сфинксов зафиксированы в разных районах планеты (Пакистане, Франции, Румынии, Аргентине, в Приполярье в Большеземельской тундре...). Особенно много новоделов разного возраста, разумеется, в Египте. Вместе с тем сфинксы считаются одним из самых значимых символов Петербурга.

Оригинальные египетские сфинксы, вырубленные из сиенитовой скалы, привезены из Египта и установлены перед зданием Академии Художеств на набережной Невы. Им около 3500 тыс. л. На родине они стояли перед храмом вблизи Фив в период правления фараона Аменхотепа III. Эти изваяния, оторванные от родной земли, с самого начала переезда (1832 г.) стали элементом современного культурного облика Петербурга, зримым образом связывающим наш город с Египтом. К их воспроизведению стремились многие художники и среди них – замечательный график А.Остроумова-Лебедева. Кроме «оригинальных» сфинксов, в Петербурге установлено еще несколько их современных изваяний (в том числе на Египетском мосту через р. Фонтанку, на наб. Робеспьера на р. Неве).

3. Знаки мегалитической культуры в архитектурных сооружениях и государственной символике. Мегалитическая культура глубоко проникла в современную культуру и в частности в архитектуру. Разумеется, это произошло постепенно, поэтому не заметно. Ниже попытаемся ответить на этот вопрос, конечно с позиции географа-геоэколога и специалиста в области географии культуры (культурной географии), рассматривая любые строения как элемент освоения географического пространства. Эта задача облегчается тем обстоятельством, что любой инженер-строитель и архитектор строили, вписывая сооружения в окружающий ландшафт с учетом его некоторых особенностей и в том числе обязательно – пространственной (по странам света), а в ряде случаев и временной (с учетом положения Солнца в значимые для отсчета времени даты) ориентировки.

Как правило, строения последующих за мегалитической эпохой этапов развития цивилизации сооружались в тех же местах, где располагались мегалиты, иногда буквально на их фундаментах. Это можно видеть у многих сооружений инков на территории Боливии и Перу, что было подмечено некоторыми специалистами, обычно не археологами, и в том числе отечественной группой исследователей А. Складова. Археологи стараются не замечать эти фундаменты, во всяком случае, приписывать их к деятельности хорошо известным им инков. В противном случае им придется признать деятельность доисторической цивилизации, строители которой использовали иные, более совершенные и неизвестные современной науке способы обработки каменного материала, его переноса с места на место и, наконец, возведения самого сооружения.

Примером может служить испанская церковь Сан-Доминго (г. Куско в Перу), построенная на фундаменте из развалин храма индейцев инков - Кориқанча («Золотой храм»). Фундамент же покоится на мегалитическом основании. Преемственность сооружений разных эпох, в том числе мега-

литической, хорошо выявляется в том же Мурманске. На одной из возвышенностей-останцов в городе, в окружении сейдов воздвигнут гигантский, высотой 35 м, современный мегалит – памятник защитникам Заполярья «Алеша». Особенно характерна преемственность местоположения са-кральных сооружений.

Следует отметить, что мегалитические центры, в которых осуществлялось определение времени по Солнцу [3, 4,10], много лет позднее, после исчезновения мегалитической культуры наследовались другими сооружениями, сначала «языческими» храмами, а затем храмами постязыческих религий. В частности – христианскими, например, в Европе, буддийскими, в том числе в Индии. Причем эти храмы наследовали также и функцию определителя времени. В ряде стран они даже назывались храмами Солнца, в названии которых подчеркивается главная роль светила, используемого в храме (и самого храма, разумеется) в измерении времени. Вспомним существующий в настоящее время храм Солнца в Конараке в Индии.

Некоторые из мегалитических памятников изображаются на государственных бумагах и даже на гербах государств. Обычно это памятники, включены в Список ЮНЕСКО как объекты Всемирного наследия. На боливийских денежных купюрах можно видеть изображения элементов древнего города Тиауанако, Ворот Солнца в этом же городе.

На государственных документах получили изображение также и некоторые другие реминисценции о мегалитической культуре. Среди них изображения мифической птицы Гаруды, сфинкса и дракона [3]. Гаруда, например, согласно индийским легендам, некогда связывала далекий Север, страну первоначальной родины ариев, с южными странами, куда они мигрировали. Не удивительно почитание этого волшебного создания. Оно изображается на гербе Индонезии. Там же это название носит крупнейшая авиакомпания страны.

Разумеется, в Египте знаковым является сфинкс, изваяния которого, как древнейшие, так и новоделы распространены по всей территории страны. Закономерно, что его изображение можно видеть на государственных бумагах, в том числе денежных купюрах.

Изображение дракона также присутствует на государственных документах. Его можно видеть на гербе Москвы, на котором с ним сражается и побеждает Георгий Победоносец. Напомню, что многочисленные каменные доисторические изваяния Змеев и Драконов позволяют даже предположить, что корни столь широкого и непонятного современного распространения знаний о них, их изображений нужно искать в глубокой (доисторической) древности. Возможно, как бы не выглядело это фантастическим, в период развития мегалитической цивилизации Змеи-драконы соседствовали «на равных» с нашими предками.

Таким образом, спустя многие тысячелетия в менталитете народов планеты все еще сохранились воспоминания о древнейшей мегалитической

культуре. Только на первый взгляд они не заметны. Тем не менее, признаки древнейшей цивилизации можно обнаружить в самых разных областях культуры и искусства. Многие достижения этой цивилизации, каким-то чудом сохранившиеся после глобальной катастрофы (природной или техногенной), дали толчок к развитию и расцвету (необъяснимому другим образом) известным цивилизациям, в том числе египетской и шумерской. Речь идет о знаниях в области искусства, астрономии, математики, техники, намного опередившие время и спустя много лет вновь достигнутые (да и то только частично) нашей цивилизацией.

Список литературы

[1]. Григорьев, Ал. А. Древнейшие (доисторические) водно-волоковые пути Северной Евразии по данным топонимики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7, Геология, география. - 2014. - Вып. 1. - С. 136-146.

[2]. Григорьев Ал.А. Каменные изваяния как индикаторы древнейшего освоения геопространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7: Геология. География. - 2016. Вып.2. С.65-75.

[3] Григорьев Ал.А. Доисторическая география (освоение планеты в эпоху мегалитов). - СПб.: Каф. страноведения и межд. туризма СПбГУ, 2016. – 296 с.

[4]. Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н.. Географические аспекты наследия древних каменных объектов на Северо-Западе Европейской России // Вестник СПб ГУ. Сер.7 Геол. и география. – 2012. - Вып 2. - С.50-64.

[5]. Корсун А.Н. Мегалитический культурный круг как составляющая традиционной культуры народов Европы. Автореферат дис. канд. культурол. Харьков.2012. -18 с.

[6]. Лаевская Э.Л. Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. - М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1997. - 310 с.

[7]. Марсадоллов Л.С., Паранина Г.Н., Григорьев Ал.А. Комплексный подход к изучению мегалитического наследия // Вестник Томского государственного университета. История.- 2013. - n 2(22). – С. 37-45.

[8]. Паранина Г.Н. Свет в лабиринте. - СПб.: Астерион, 2010. -125 с.

[9]. Рачинский А.В., Федоров А.Е. Славяно-арийские истоки русской архитектуры. – М.: Вече. -2016. – 624 с.

[10]. Стафеев С.К., Томилин М.Г. Пять тысячелетий оптики: предыстория. - СПб.: Политехника, 2006. - 304 с.

[11]. Paranina A., Grigoryev Al. Interdisciplinary studies of ancient and the most ancient heritage sites in the geography of culture // International Journal of Geography and Geology, 2017, 6(3): 40-47.

МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Тушканов Дмитрий Игоревич
*магистрант кафедры Отечественной истории
и историко-краеведческого образования
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
г. Волгоград*

История периодической печати с момента появления и до 1917 года на сегодняшний день далеко не полностью изучена. Существует множество работ, посвященных анализу дореволюционной столичной прессы, но практически нет работ, которые бы уделяли подробное внимание провинциальной печати, в частности периодической печати городов Саратовской губернии [11, с. 80]. В то же время провинциальная периодическая печать является очень ценным, а в ряде случаев и единственным, источником, позволяющим рассмотреть развитие экономической, социальной и культурной жизни малых городов. Поэтому местная пресса является наиважнейшим источником, позволяющей составить социокультурный облик провинции конца XIX – начала XX века. В конце XIX века быстрое капиталистическое развитие Саратовской губернии привлекало большое количество предпринимателей.

И к началу XX века Саратовская губерния превращается из аграрной губернии в торгово-промышленную. Изменения коснулись и периодической печати, которая стала появляться в различных уездных городах Саратовской губернии и в ней находили своё отражение различные процессы и явления местной жизни [11, с. 81].

К началу XX века в Саратовской губернии периодическая печать долгое время уже была в двух городах: Саратове и Царицыне [5, 6, 7, 11, 12]. В то же время в начале века и в этих городах появляются новые издания. Во-первых, это "Саратовский листок объявлений", который входил ежедневно с 1901 по 1903 год [6]. По форме и структуре он представлял из себя бесплатное справочное издание, в которой публиковались объявления и коммерческая реклама. Редактором был представитель интеллигенции А.О. Реш, а издателем мещанин Г.Ю. Зацвилюховский. В 1903 году сменился штат сотрудников издания, на место редактора был назначен Н.Г. Молоствов, а сам "листок" сменил свое название на "Саратовский коммерческий вестник" – это была газета, посвященная сельскохозяйственному и торгово-промышленным нуждам и интересам приволжского края, как отмечалось в передовице газеты [10]. Однако под этим названием газета выходила недолго, уже в конце этого же года новым названием газеты стало "Приволжский край" [6]. "Приволжский край" являлся изданием литературным, политическим, общественным и торгово-промышленным [8]. Это издание

выходило довольно-таки долго с 1903 по 1907 год с перерывами, во время которых подписчики газеты получали газету "Поволжье" (ред. А.И. Скворцов, 1905 г.). В разное время редакторами газеты были Н.М. Архангельский и Д.А. Топуридзе. С 1905 года к газете прилагался "Приволжский край" - одноименное иллюстрированное приложение, в которых публиковалось множество карикатур на реалии местной жизни. В связи с частой сменой названия и неблагонадежности издания, практически в каждом номере данной газеты можно встретить вложенное в номер свидетельство о разрешении напечатания данного номера газеты. Так, например, в 22 номере можно увидеть свидетельство типографии Г.Х. Шельгорн и Ко, по которому подтверждается, что 22 номер газеты "Приволжский край" напечатан "во всем сходно с прилагаемыми при этом одобренным Цензурой подлинником"[9], далее подписи ответственных лиц.

В Царицыне одной из популярных газет в этот период стала газета "Царицынский листок", вышедшая с 1901 по 1906 гг., которая заменила собой "Волжско-Донской листок". Издателем и одновременно редактором газеты также была Е.И. Шешминцева, которая продолжала традиции предшествующей газеты.

В указанных газетах местная жизнь городов Саратовской губернии находила свое полное отражение. На страницах периодических изданий можно было встретить обширную хронику в том числе и уголовную за прошедшие дни, обсуждение различных проблем и вопросов местных жителей. Отдельно выделяются такие направления заметок, как образование, театрално-художественная сфера, благотворительность. Частым явлением начала XX века были призывы периодической печати к благотворительной деятельности, на который откликались местные зажиточные граждане.

Еще одной газетой Саратовской губернии, в которой находила свое отражение местная жизнь была газета "Балашовский голос". Интересно, что редакция газеты "Балашовский голос" в самой этой газете везде представляет себя как редакция газеты "Наш край" притом в то время, когда до выхода газеты "Наш край" еще целый год. У данных изданий в разное время было множество редакторов и издателей, которые часто сменяли друг друга [6]. Следует отметить, что у газеты было несколько особенностей. Во-первых, это широкое привлечение представителей местной интеллигенции к сотрудничеству в газете. Во-вторых, это географический охват издания – редакция планировала распространять газету не только в Балашове, не только в других городах Саратовской губернии, но и за ее пределами. И, в-третьих, главной особенностью газеты будет скорость подачи новостей, в заметке "От редакции" отмечалось: "Но не только в привлечении к газете большого количества интеллектуальных сил состоит новизна этого печатного органа; поставлены на первую очередь злободневность и свежесть известий – впервые в Балашове газета будет печататься ночью и давать утром телеграммы, полученные накануне за весь день и ночь. Этим достигается своевременная осведомленность читателя, который по суще-

ствующим почтовым условиям утром прочитает в нашей газете те телеграммы, которые в московских и саратовских газетах он встретит ровно через двое суток"[2].

Отдельно выделялась в городе и "Балашовская газета", которая по описанию на передовицах была политической, общественной и литературной. Для горожан подписка на газету на год стоила 6 рублей, для иногородних жителей – 50 копеек. Выходила ежедневно, кроме дней послепраздничных. Основателем, а также первым редактором-издателем газеты был Г.К. Покровский, а с 52 номера его место занял П.П. Орлов[6]. В первом номере редакция обратилась к жителям города Балашов с просьбой принять газету и призвала местную интеллигенцию к сотрудничеству: "Печать, есть одно из поприщ, где каждый может проявить свое желание работать во благо народа, это особенно возможно, где нерв общественной жизни бьется интенсивнее, где интересы общества ширятся и растут. Жизнь города Балашов с каждым годом все более и более усложняется. Приступая к изданию "Балашовской газеты", редакция ставит своей задачей выяснение нужд города и уезда, а также беспристрастное осведомление населения о деятельности различных общественных учреждений и общественных деятелей. Редакция будет благодарная всем, кто вложит свой труд в эту работу на страницах издания"[1]. По структуре газета была схожа с изданиями конца XIX века в Саратове и Царицыне – в газете были различные отделы, среди которых выделяются "Местная жизнь", "Справочный отдел", "Хроника", "Вести из уезда", "За рубежом" и т.д. Первая и последняя (четвертая) страницы пестрят различными рекламными объявлениями и афишами. Следует отметить, что в отличие от предыдущей "Балашовской газеты", в этой гораздо меньше публикуются сообщения из Балашовского уезда и значительно больше статей и заметок, посвященных различным событиям в других городах Саратовской губернии, в первую очередь, Саратове и Царицыне. Также в этой газете практически в каждом номере можно найти статью или фельетон, посвященному образованию, а также отчеты о проведении и афиши различных мероприятий развлекательного характера, в частности афиши театра "Иллюзион". Газета больше направлена не на крестьян, а на городских жителей - купцов, мещан, местную интеллигенцию. Однако, несмотря на это газет не смогла "пробить" и 100 номеров и в том же году (1911) что и открылась, газета прекратила свое существование.

Также редакция отмечала, что "особенно тщательное внимание будет обращено на местные известия - как городские, так и уездные, доставляемые многочисленными корреспондентами из всех пунктов уезда"[1]. Тем самым, газета привлекала в ряды своих читателей не только горожан, но и большое количество жителей сельской местности. Далее в первом же номере была помещена заметка под названием "О газете и читателе", в которой автор подробно рассматривает и показывает роль газеты в общественной жизни и личной жизни каждого члена общества, отмечая

при этом: "Газета – общественный орган слуха, она чутко внимает ко всему, что в современной жизни вызывает отголоски в общественной жизни, но газета в то же время есть и голос, который обращается сразу к массе слушателей и говорит им обо всем, что случилось вчера на белом свете, иногда позволяя себе давать оценку событиям и явлениям – здесь всё: и то, как живут люди, чем они живут, как они думают, о чем переживают, вся история вчерашнего дня, объясняющая то, что творится сегодня и дающая понять, что произойдет завтра"[1]. При этом автор передовицы отмечает, что "газета нужна каждому сознательному человеку: она также освежает морально, как ежедневное умывание с мылом освежает физически. Только стоит это понять, как сразу же найдутся средства на газету даже в самом скромном жилище, ведь находятся у всех деньги на водку, развлечения, на трактирные и карточные игры, угощения и т.д." [1].

Практически весь первый номер "Балашовского голоса" пестрит подобными высказываниями со стороны редакции газеты, связано это с тем, вероятно, что издатели не были полностью уверены в успехе затеваемого ими предприятия и пытались "внушить", что газета в современном мире крайне важна и что должна быть "в руках" у каждого здравомыслящего человека.

При это следует отметить, что это не было пустой пропагандой и рекламой своего издания, те явления, о которых пишет автор действительно отражали реальность начала XX века в провинции. И редакция сдержала свое обещание, данное в первом номере газеты "Балашовский голос", действительно на страницах издания публиковались сверхсрочные телеграммы, а также встречается множество статей и заметок, посвященных различным вопросам общественной жизни города Балашова, которые волновали местных жителей. Часто поднимались вопросы о постройке той или иной школы в городе или селе, о строительстве библиотек и их роли в воспитании балашовцев, публиковались отчеты деятельности Городской Думы и некоторые решения органа местного самоуправления оспаривались или критиковались. Газета "Балашовский голос" стала популярным изданием и к ней стали прислушиваться местные чиновники. Однако, издание газеты "Наш край" вынуждены были отложить до 1913 года, связано это было с тем, что между редакцией газеты во главе с Э.Э. Ивинской и Н. Бухановским, владельцем типографии, на которой печатали "Балашовский голос" и планировали печатать "Наш край", произошел конфликт. Об этом редакция известила читателей 19 декабря 1912 года[3]. С января 1913 года начинает издаваться газета "Наш край", редактором которой стал Н.А. Туркин, он же был и издателем. С 98-го номера редактором становится И.Ф. Кузнецов, однако вскоре он был оштрафован на 500 рублей, но поскольку не заплатил штраф в необходимые сроки, то был заключен под арест, а газета "Наш край" была закрыта на три месяца. В результате этого редакцией было принято решение вновь издавать "Балашовский голос", продолжая старую нумерацию, и уже там была помещена об этом заметка

в рубрике "По городу"[4]. Затем вновь стала издаваться газета "Наш край", сменившая 14-й номер "Балашовского голоса" в октябре 1913 года. Следует отметить, что из всех газет города Балашов, именно в газете "Наш край" из номера в номер публиковались заметки, отражающие различные социокультурные явления и процессы не только города Балашов, но и всей Саратовской губернии. В годы войны и вплоть до своего закрытия в 1916 году газета "Наш край" выходила под заголовком "Военные телеграммы газеты "Наш край", где большая часть заметок была посвящена событиям на фронтах и организации помощи раненым в тылу.

Таким образом, местная периодическая печать может дать представление о местной жизни горожан Саратовской губернии, с помощью которого можно составить социокультурный облик провинциального города Российской империи начала XX века. Дальнейшее изучение провинциальной периодической печати позволит не только составить образ уездного города, но также и выделить отличительные особенности уездных городов различных губерний.

Список литературы

1. Балашовская газета, 1911 №1 от 10 мая.
2. Балашовский голос, 1912 г. №1 от 25 ноября
3. Балашовский голос, 1912 г. №2 от 19 декабря
4. Балашовский голос, 1913 г., №4 от 4 августа.
5. Библиографический указатель книг местного издания // Хованский, Н. Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии / Н. Ф. Хованский. — Саратов, 1884. — С. 15-36.
6. Газетный мир России XIX - начала XX века. [В 2 т.]: каталог дореволюционных газет в фондах Российской гос. б-ки / Российская гос. б-ка, отд. газет; [сост.: В.Н. Булгакова (отв. ред.), Т.А. Колчина, Т.Г. Матюшкина]. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва: Пашков дом, 2014. - 1239 с.
7. Луночкин А.В. Начало периодической печати в Царицыне // История России: на перекрестке мнений: Мат-лы I межвуз. ист. чтений, посвящ. памяти акад. Б.С. Абалихина. Волгоград, 15—16 мая 1995 г. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1997. С. 121—125.
8. Приволжский край №1 от 12 декабря 1903 г.
9. Приволжский край №22 от 2 февраля 1905 г.
10. Саратовский коммерческий вестник №1 от 19 июля 1903
11. Тушканов Д.И. Изучение периодической печати Царицына: историографический обзор // Актуальные проблемы историко-краеведческих исследований: сб. науч. тр. - Краснослободск, 2015. С. 78-84.
12. Хованский, Н. Ф. Саратовские губернские ведомости (история их издания) / Н. Ф. Хованский // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. — Саратов, 1893. — Вып. 1.— С. 273-290.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УПРАВЛЕНИЕ АУТСОРСИНГОВЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Серова Дарья Николаевна

Студент магистратуры по направлению

«Стандартизация и метрология»,

Научный Исследовательский Томский Политехнический университет;

техник по качеству I категории отдела управления качеством,

Акционерное общество «Научно-производственный центр «Полюс»,

Томск.

Аутсорсинг (передача сторонним организациям функции выполнения производственного процесса) – это эффективный способ повышения качества производимой продукции за счет перераспределения ресурсов организации, но недостатки аутсорсинга могут повлечь серьезные проблемы. Если руководство не осуществляет управление на должном уровне, то можно утратить контроль над функциями, переданными на аутсорсинг. Для решения этой проблемы в АО «НПЦ «Полюс» разработан и внедрен стандарт, регламентирующий порядок управления взаимоотношениями с организациями-соисполнителями и методы контроля их деятельности при выполнении договорных обязательств.

В настоящее время обременение организаций непрофильными видами деятельности уменьшает эффективность производства и является одной из причин снижения конкурентоспособности. Нецелесообразно расходовать ресурсы организации и производственную мощь на выполнение второстепенных функций, выгоднее делегировать их выполнение специализированным сторонним организациям через заключение аутсорсингового контракта.

Процесс передачи сторонним организациям функций выполнения производственного процесса называют аутсорсингом. Практика аутсорсинга помогает организациям решить проблемы функционирования и развития в рыночной экономике путем сокращения издержек, ускорения адаптации к условиям внешней среды, улучшения качества продукции и услуг. Организация-заказчик может, используя аутсорсинг второстепенных функций, сконцентрироваться на тех, которые свойственны именно ей, на своей специфике. Аутсорсинг – это стратегия управления организацией, а не просто вид партнерского взаимодействия, он предполагает определенную реструктуризацию процессов и внешних отношений организации [1, с. 68].

С выходом международных стандартов ISO 9001 стратегия управления организацией на основе аутсорсинга начала играть особую роль. Возросший интерес к данной стратегии объясняется тем, что международные

стандарты ISO семейства 9000 содержат требования и рекомендации, связанные с аутсорсинговыми процессами. Согласно которым «если организация решает передать сторонним организациям выполнение какого-либо процесса, влияющего на соответствие продукции требованиям, она должна обеспечить контроль за таким процессом. Управление им должно быть определено в системе менеджмента качества» [2, с. 8].

Выбор поставщика по аутсорсингу является очень важным этапом, от которого будет зависеть качество выпускаемой продукции и соответственно конкурентоспособность организации. Основные критерии, по которым организация выбирает себе поставщика по аутсорсингу следующие:

- наличие сертифицированной системы менеджмента качества (далее СМК) у организации-соисполнителя;
- наличие опыта в выполнении переданного процесса;
- репутация организации-соисполнителя на рынке, финансовое состояние;
- возможность участия в управление производственным процессом;
- компетентность персонала организации-соисполнителя;
- стоимость выполнения процесса, переданного на аутсорсинг и др.

Исходя из приведенных выше критериев выбирается тот поставщик по аутсорсингу, который в полной мере удовлетворяет им всем. С ним и заключается аутсорсинговый контракт.

Привлечение сторонних организаций для выполнения второстепенных функций влечет за собой ряд недостатков:

- отсутствие контроля за выполнением переданного на аутсорсинг производственного процесса;
- вероятность недобросовестного исполнения своих обязательств со стороны соисполнителя (срыв сроков поставок, использование низкокачественных закупочных материалов и др.);
- некомпетентность персонала организации-соисполнителя;
- утечка информации, касающейся уникальности разработки;
- зависимость всего производства от организации-соисполнителя и т.д.

Решив указанные проблемы, организация сможет повысить качество производимой продукции (услуг), концентрируя свое внимание, ресурсы и производственную мощь на приоритетных направлениях деятельности.

В данной статье будут рассмотрены методы контроля деятельности поставщиков по аутсорсингу, которые применяются в АО «НПЦ «Полюс».

Порядок управления взаимоотношениями с организациями-соисполнителями и методы контроля их деятельности при выполнении ими договорных обязательств, в АО «НПЦ «Полюс» регламентируются стандартом об аутсорсинге.

К методам управления аутсорсинговыми процессами относятся следующие:

- а) аудиторские проверки СМК;

- б) оценка технических и организационных возможностей организации-соисполнителя;
- в) проверки в точках обязательного контроля;
- г) авторский надзор за изготовлением продукции;
- д) входной контроль;
- е) исследование и анализ причин несоответствий продукции установленным требованиям;
- ж) рекламационная работа по этой продукции [3, с. 295-296].

Аудиторские проверки СМК ориентированы на выявление причин возникновения несоответствий в системе качества организации-соисполнителя. В ходе аудита определяется насколько в организации внедрена система качества, работает ли она и помогает ли достигать результатов по основной деятельности организации. Во время проведения подобных проверок анализу подлежат процедуры, технологические процессы, продукция ресурсное обеспечение и оборудование. Периодичность проведения аудита СМК организации-соисполнителя оговаривается в договоре.

Проверки в точках обязательного контроля (далее ТКО) проводятся на территории организации-соисполнителя. Основная цель такого рода проверок – это контроль соответствия изделий заданным требованиям на различных этапах изготовления. Требование о проведении проверок в ТКО заносится в технологическую документацию организации-соисполнителя. В точках обязательного контроля проверяется соответствие произведенных операций технологическому процессу и соответствие продукции действующей конструкторской документации.

Представители АО «НПЦ «Полюс» участвуют в исследовании и анализе причин несоответствий, выявленных на всех этапах изготовления, на входном контроле и при эксплуатации. Любое несоответствие узла, прибора, сборочной единицы требованиям, предъявляемым к ним в документации, обнаруженное на любом этапе изготовления, сборки, испытаний, подлежит исследованию независимо от времени, места, причины и обстоятельств его возникновения и обнаружения.

Если несоответствия продукции организации-соисполнителя вызывают срыв сроков выполнения работ, влияют на выполнение требований договора, то их классифицируют как несоответствия первого уровня (крупные). Остальные несоответствия классифицируются как несоответствия второго уровня (мелкие).

Организация-соисполнитель регистрирует, проводит исследование и анализ причин несоответствий и устраняет их согласно процедуре управления несоответствиями, действующей в ее СМК [3, с. 297]. АО «НПЦ «Полюс» со своей стороны контролирует результативность действующей процедуры управления несоответствиями при проведении проверок функционирования СМК организации-соисполнителя.

Все проводимые мероприятия по контролю за аутсорсинговыми процессами сопровождаются отчетной документацией (акты проверок, отчеты по ТКО и по исследованию несоответствий и т.д.). В последующем эта документация используется для анализа и оценки результативности аутсорсинговых процессов.

Сбор данных для анализа и оценки результативности аутсорсинговых процессов в АО «НПЦ «Полус» осуществляется согласно схеме, приведенной на рисунке 1.

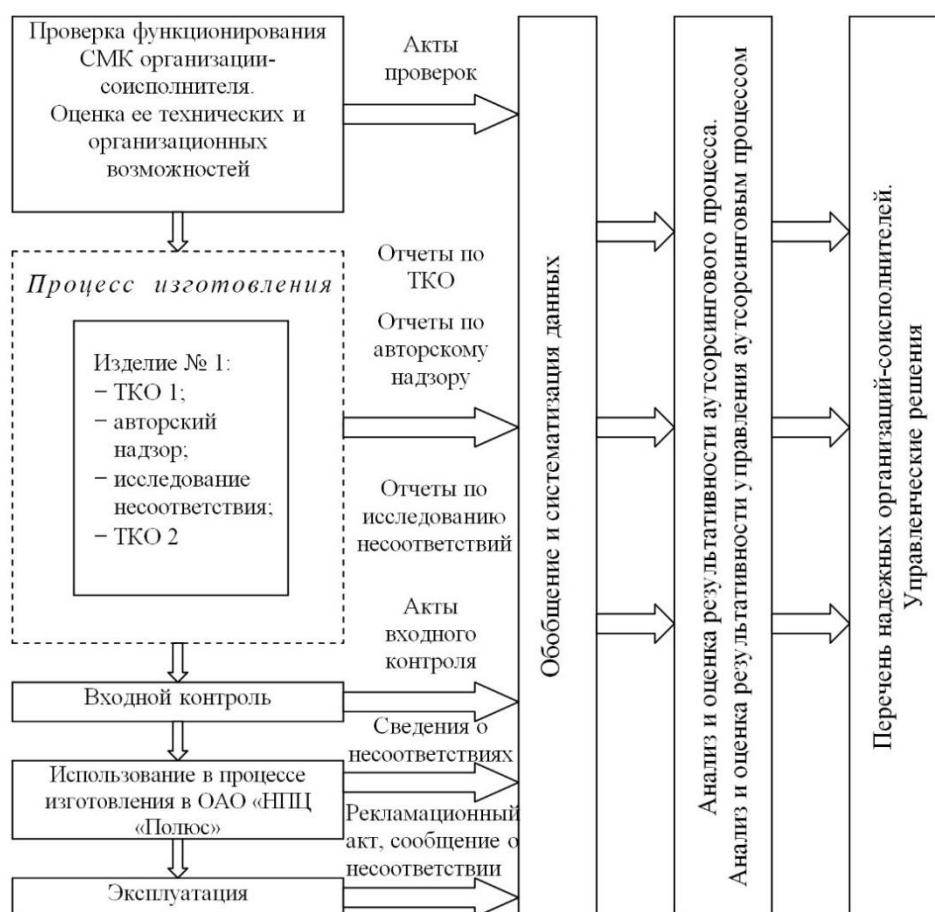

Рис.1. Схема сбора данных по аутсорсинговым процессам для последующего анализа и оценки его эффективности.

На основе данных, полученных в ходе контроля, проводится анализ и оценка результативности управления аутсорсинговым процессом. По результатам анализа составляется перечень надежных организаций-соисполнителей.

Стандарт АО «НПЦ «Полус» об аутсорсинге, регламентирующий порядок управления взаимоотношениями с организациями-соисполнителями, внедрен с 2015 года. Данные по всем проведенным проверкам и выявленным в ходе изготовления изделий несоответствиям, результаты рекламационной работы и входного контроля обобщались и систематизировались. На начало 2017 года проведен анализ и оценка результативности управления

аутсорсинговыми процессами. В результате собраны полные сведения о качестве изделий, поступивших от организаций-соисполнителей за 2015 - 2016 гг. Заметно снизился процент брака у изделий, поступающих от соисполнителей на входной контроль в АО «НПЦ «Полюс», сократилось число претензий, предъявляемых на готовые изделия, на детали и сборочные единицы. Прослеживается явная тенденция к улучшению качества работы поставщиков по аутсорсингу.

Анализ данных проводится ежеквартально для демонстрации эффективности управления аутсорсинговыми процессами, а также оценки возможности постоянного повышения ее результативности.

В заключении хотелось бы отметить, что грамотно спланированный и разработанный аутсорсинговый процесс позволяет организации уменьшить затраты, увеличить эффективность выполнения переданных функций, улучшить качество производимой продукции благодаря фокусировке на приоритетных направлениях деятельности, а также повысить конкурентоспособность организации в целом.

Список литературы

1. Юрьев С.В. Аутсорсинг как элемент современных экономических отношений в РФ. СПб: Изд-во СПбГУСЭ, 2012. 165 с.
2. ГОСТ ISO 9001-2011. Системы менеджмента качества. Требования. Введ. 01.01.13. М.: Стандартиформ, 2012. 67 с.
3. Сенникова Н.В., Будкеева С.А., Лебедева Л.О. Управление аутсорсинговым процессом в ОАО «НПЦ «Полюс»: Вестник СибГУ им. М.Ф. Решетнева. Железногорск, 2014. С. 294-301.

ФИЛОЛОГИЯ

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЭТИКИ АБСУРДА В ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ РОССИИ РУБЕЖА XX-XXI ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ В.О. ПЕЛЕВИНА)

Сипрова Анна Андреевна

*Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГУ
им. Н. П. Огарёва, 430000, г. Саранск, ул. Большевистская, 68*

THE SPECIFICITY OF THE REPRESENTATION OF THE ABSURDIZATION ESSENTIALS IN THE LITERARY CONSCIOUSNESS OF RUSSIA ABROAD OF THE XX-XXI CENTURIES. (ON THE MATERIAL OF NOVELS V.O. PELEVIN)

Siprova Anna Andreevna

*Post-graduate student of the Department of Russian and
Foreign Literature Mordovian State University. N. Ogaryova,
430000, Saransk, ul. Bolshevistskaya, 68*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию текстов В. Пелевина для изучения приёмов абсурдизации, посредством которых автор выстраивает собственные тексты, и мотивов её воплощения.

ANNOTATION

The article is devoted to the study of V. Pelevin's texts for the study of the methods of absurdization, through which the author builds his own texts, and the motives for its implementation.

Ключевые слова: абсурд, поэтика, миф, мотив, характер, восприятие, субъективность

Keywords: absurdity, poetics, myth, motive, character, perception, subjectivity

Особенностью развития культуры рубежа XX-XXI вв. является смещение ее интереса в область онтологической проблематики, проясняющей основу человеческой жизни. Опыт развития предшествующей культуры наглядно показал, что «абсурд – симптом разрыва с бытием. Абсурд – плата за ослепление доказательной мощью понятия. Абсурд – покинутость в отчаянии, тщетность любых усилий что-либо изменить» [8, с. 141]. Изменяясь и трансформируясь в сознании различных эпох, абсурд является универсальным феноменом, который относится к экзистенциальной области человеческой культуры. Литературоведческий аспект в изучении сущности абсурда заключается в том, что поэтика как теория литературы

носит междискурсивный, «архидискурсивный» характер (Ж. Женетт). Как справедливо отмечает О.В. Вдовиченко, современные подходы к анализу *метафоры* показывают ее глубинную укорененность в различных уровнях межчеловеческого общения и определяют специфику литературоведческого дискурса. Связь метафорического и художественного в поэтике абсурда способствовала выделению ее оснований: онтологических (смыслоутрата), гносеологических (уничтожение смысла), аксиологических (проблема «другого»), которые взаимосвязаны с понятиями абсурдной жизни, абсурдного сознания, абсурдного человека» [2, с. 77].

Общеизвестно, что «обнажение приема», деконструкция языка и мира, нарушение привычных причинно-следственных связей и, прежде всего, абсурдистская логика построения художественного текста наиболее отчетливо проявились в авангарде первой трети XX века (что нередко служит основанием для рассмотрения его некоторыми исследователями в качестве некой предтечи постмодернизма, хотя, заметим, в отличие от теоретиков и практиков постмодернизма, обэриуты, как и другие авангардисты, не сомневаются в гносеологических способностях человека). При этом идея смыслоутраты, абсурдности человеческого существования в предельно заостренной форме, задолго до написания А. Камю «Постороннего» и «Мифа о Сизифе», и тем более, их перевода на русский прослеживается в творчестве принципиально разных по своим эстетическим устремлениям поэтов, художников, писателей – от юмористической новеллистики Тэффи 1910-х гг., рассказов М. Зощенко и М. Булгакова, программных манифестов тех же Ничевоков в 1920-х гг. – до творчества С. Довлатова, Евг. Попова, В. Сорокина, В. Пелевина [9].

В.О. Пелевин, практически во всех романах демонстрирует абсурдность мира осязаемого, социального, а также масскульта. Так, сам роман «Омон Ра» становится иллюстрацией, своеобразной умозрительной притчей, обосновывающей идею тотальной бессмысленности существования человека в рамках советского строя с его космической программой, представленной грандиозным надувательством: в основе сюжета романа, как известно, лежит история абсурдной в своей основе тотальной мистификации советских органов власти, имитирующих полет и прилунение космической ракеты. Абсурдный характер обретает вся господствующая система ценностей, профанируемая автором посредством иронических реминисценций и пародийного обыгрывания советских штампов: к примеру, лозунг «героями не рождаются, героями становятся» снижается и профанируется «плановой» подготовкой героев в Пехотном училище им. Ал. Матросова и летном училище им. Ал. Маресьева, где из курсантов «вращивают» «настоящих» людей, подобных именитым героям. При этом именно аллюзии подвигов Матросова и Маресьева порождают атмосферу абсурда и иронии, характерной для поэтики соц-арта. Как справедливо указывает О. Богданова, абсурд образно-стилевой дополняется абсурдом событийно-повествовательным: «в ходе развития сюжета становится ясно,

что все технические достижения» в космической сфере есть только фикция, что все механизмы космического корабля приводятся в действие усилиями героических воспитанников военных училищ <...>, обреченными смертниками, которым приказано после выполнения задания покончить жизнь самоубийством» [1, с. 107]. Таким образом, уже в текстах Пелевина 1990-х гг. посредством абсурдизации советской реальности, «снижения» и профанации ее расхожих штампов, представлена деконструкция советского мифа и гротескно-профанирующая пародия на соц-реалистическую литературу.

В «Священной книге оборотня» и в «Generation «П» Пелевин фамильяризует и абсурдизирует не только саму реальность, но и массовую культуру, разоблачая посредством этого ее ущербность и деградацию, при этом парадокс разоблачения массовой литературы на страницах романов, которые сами относятся к паракультуре, прекрасно сознаётся самим Пелевиным, о чём свидетельствует появляющееся в «Священной книге оборотня» высказывание А Хули: «дорогая вещь в оправе из демонстративного презрения к дороговизне» [6, с. 7] и идущее вслед за ним упоминание об Абрамовиче и Че Геваре (последнее представляет собой отсылку к «Generation «П», в частности, к статье об идентичности, где говорится о политкорректном бунте молодёжи против мира, а также к нестандартной рекламе, про которую герой романа Морковин говорит, что она «глубоко антирыночна по форме и поэтому обещает быть крайне рыночной по содержанию» [4, с. 265]. Сходные мотивы прослеживаются в романе «Числа», который, на наш взгляд, отнюдь не случайно открывается эпиграфом из Д. Хармса – автора, подчёркивающего в своём творчестве созвучные постмодернистскому мировосприятию абсурдность и хаотичность мироздания. Разрушение причинно-следственных связей в мире подчёркивает и посвящение «Чисел» двум, на первый взгляд, несопоставимым фигурам – «Зигмунду Фрейду и Феликсу Дзержинскому» [5, с. 7]. Вместе с тем эту адресацию можно с таким же успехом рассматривать и как указание на имеющуюся в творчестве писателя неизбывную связь между террором и психоанализом, доказательством существования которой, к примеру, может служить превращение чекистского застенка в психиатрическую лечебницу в романе «Чапаев и Пустота». Основание для подобного сопоставления можно найти в постмодернистской теории о том, что любое знание по определению является продуктом властных амбиций своего носителя, и в этом плане психологические теории мало чем отличаются от политических.

Знаменательно, что умопомешательство в романе «Числа» носит тотальный характер: в головах других героев романа (подруги Стёпы Мюс, его конкурента Жоры Сракандаева) царит тот же пифагорейский хаос, и единственная адекватная оценка его выражена лишь в указании прорицательницы, к которому Стёпа, однако, остаётся глух. Возможно, именно это, наряду с вынужденной гомосексуальной связью, мерзость которой и

степень вырождения современной культуры подчёркивает вставленное в текст романа краткое изложение образчика «гей-драматургии» – пьесы «Доктор Гулаг», и послужило причиной печального конца книги.

Мало того, тесно переплетается с мотивом иллюзии лейтмотив всех романов В. Пелевина – мотив хаотичности мира, связанный с философской идеей принципиальной неполноты человеческого восприятия и разрушением причинно-следственных связей в сознании субъекта [3]. Ограниченность человеческих возможностей познания мира вполне в духе постмодернистской логики лишает героев возможности создать его целостную картину, и в результате каждый из них существует в своём замкнутом мире, слабо связанном с мирами других персонажей. Таковы, например, миры обитателей психиатрической больницы №17. Особенностью их мировосприятия является уникальность, ибо веру каждого из них больше «не разделяет никто», что и называется, по определению Татарского в «Generation «П», «шизофренией» [4, с. 16]. Впрочем, эта черта, равно как и сама способность к созданию своего мира, является, с точки зрения постмодерниста, универсальной, недаром в предпоследней главе «Чапаева и Пустоты» главный герой скажет: «Уверяю тебя, что Котовский, точно так же, как ты и я, в силах создать свою собственную вселенную» [7, с. 380].

Наиболее показательным примером разного видения героями одних и тех же явлений может служить устроенный Бароном фон Юнгерном «взрыв в костре», воспринятый в таком качестве Петром, но показавшийся «нисхождением небесного света» [7, с. 128] Володину. Характерно, что и сам Чёрный Барон, предстающий для Петра в облике петербургского интеллигента, кажется новым русским страшным божеством «с красным лицом, тремя глазами и ожерельем из черепов» [7, с. 129]. Сильно отличается восприятие потусторонней реальности у Юнгерна, для которого «всё вокруг залито ослепительно ярким светом» [7, с. 292], и у Пустоты, видящего на том же месте костры во мраке. Но и общий для всех, «объективно существующий», «реальный» мир оказывается у Пелевина «коллективной визуализацией, делать которую нас обучают с рождения» [7, с. 293].

Именно субъективность восприятия абсурдного мира служит у Пелевина основанием для утверждения постулата о взаимном непонимании между людьми и экзистенциальном одиночестве каждого человека. Так, «смещения языков», делающего понимание друг друга невозможным, звучит в «Generation «П», где её метафорическим воплощением становится Вавилонская башня, отсылающая к библейскому мифу. Так, простая фраза наевшегося мухоморов Татарского «Мне бы хотелось попить воды» в результате «перекодировки», произошедшей в его сознании, оказывается пугающей бессмыслицей для Гиреева. Знаменательно, что, в свою очередь, и смысл того, о чём говорят буддист и дух Че Гевары, остаётся для криэйтора загадкой: «Я ни слова не понимаю в том, что ты говоришь» [4, с. 180], – заявляет он Гирееву, когда тот пытается объяснить ему подлинную суть

рекламы. Не способен постичь смысла слов пророчицы Бинги Стёпа Михайлов в романе «Числа»; не может понять лисьё объяснение концепции сверхоборотня волк Саша Серый в «Священной книге оборотня». Очевидно, что анекдотически сниженная реальность проблематизируется, намечается выход за ее пределы, божественное начало здесь вытесняется игрой абсурда, которая, снимая логику причинно-следственных связей, сочетает обыденное с невероятным и подменяет собой реальность. Во всех романах Пелевина сверхъестественное начало утрачивает божественную телеологию, завершенность становится началом хаотическим, поэтому видение героев не связывает дольний мир с горним как часть от целого и активно вторгается в земной космос и разрушает его. Лишенные сакрального наполнения, онтологическое пространство и время моделируют игровой характер вселенской пустоты, освоенный еще в творчестве ОБЭРИУтов и поздних абстрактных притчах Д. Хармса, с характерным для нее акцентом на определенных закономерностях бытия, которые рассматриваются в *гносеологическом* ракурсе, но демонстрируют свою несостоятельность и иллюзорность.

Важно отметить, что постмодернистское философское положение о субъективности восприятия получает в творчестве писателя религиозное обоснование и связывается им с буддийской идеей пустоты реальности от независимого существования, предполагающей неограниченные возможности её взаимозависимого проявления в разных формах. При этом, однако, специфической особенностью пелевинской художественной реальности является то, что проявления эти оказываются всегда непредсказуемы и порой абсурдны. В изображаемом писателем странном мире возможны самые неожиданные трансформации и метаморфозы, которые, как справедливо отмечалось в критике, встречаются на страницах его произведений столь часто, что являются в них привычными и порой вполне предсказуемыми.

Так, во второй главе «Чапаева и Пустоты» вся реальность, представлявшаяся явью в первой, оказывается бредом сумасшедшего: революционные матросы Жербунов и Барболин становятся санитарями в белых больничных халатах, а само ЧК превращается в психиатрическую больницу, лишь своим номером «17» напоминающую о революционных событиях. Неожиданно оказывается не женщиной, а мужчиной «просто Мария», из обыкновенной японской фирмы в средневековый самурайский клан попадает Сердюк. В самом деле наследует эзотерическую вавилонскую доктрину сначала вравший об этом друзьям Вавилен Татарский. Кружащимся дервишем смерти оказывается с виду простой чеченец Муса, из помощника повара в грозного джедая (почти как в голливудском боевике «Захват») превращается капитан Лебёдкин. Странным шаманским ритуалом, имеющим своей целью разжалобить череп Пёстрой Коровы, предстаёт в «Священной книге оборотня» нефтедобыча.

Однако в самой глубине реальности, с точки зрения абсолютной истины, по мнению Пелевина, «нет ничего, что существовало бы, что называется, на самом деле» [7, с. 292]. Это утверждение, приписанное фон Юнгерну, повторяет в романе и Чапаев, заявляющий Петру, что «на самом деле никакого «самого дела» нет». Примечательно, что, стремясь проникнуть в мистическую суть вещей, писатель подчёркивает в своих текстах принципиальное сходство между разными формами проявления сансарической реальности, подчёркивая их глубинное тождество. Так, споря с рекламой магнитофонов «Филлипс», Пелевин устами Петра Пустоты говорит о том, что все города - «просто разные варианты одного и того же кошмара, который никак нельзя изменить к лучшему. Кошмара, от которого можно только проснуться» [7, с. 259].

Следующим ключевым мотивом, организующим романы писателя и служащим отражением идеи абсурда, является *мотив трагичности существования*. Значимо, что хотя поток человеческого сознания возникает из бесконечности и несётся в бесконечность, сам процесс его движения оказывается болезненным. Для его описания Пелевин использует метафорический образ поезда, найденный им ещё в повести «Жёлтая стрела»: согласно писателю, человек «точно также обречён вечно тащить за собой из прошлого цепь тёмных, страшных, неизвестно от кого доставшихся в наследство вагонов. А бессмысленный грохот этой случайной сцепки надежд, мнений и страхов он называет своей жизнью» [7 с. 110-111]. Сходный смысл имеет положенный в основу сюжета романа образ сумасшедшего дома, выступающий в тексте как символ кошмарной, абсурдной жизни. Примечательны в этом плане и размышления Пустоты о «неизмеримой трагедии существования», неизбывном присутствии в человеческой жизни «мучительного абсурда» [7, с. 126].

Другое столь же пессимистичное определение прозаик даёт бытию в рекламе для пива «Туборг» из «Generation «П»: «Жизнь – это одинокое странствие под палящим солнцем. Дорога, по которой мы идём, ведёт в никуда» [4, с. 183]. Мысль о болезненности существования выражает в «Generation «П» и золотая богиня, которая, на мгновение заговорив голосом слабых, страдающих женщин, задаст Татарскому (такому же «творцу» вселенной, как и все другие героини писателя и, как он упорно стремится доказать, любой человек) абсурдный по своей сути вопрос: «Когда-то и ты, и мы, любимый, были свободны, - зачем же ты создал этот страшный, уродливый мир?» [4, с. 307]. Идея ущербности бытия проскальзывает и в «Числах», где главный герой говорит о том, что «человеческое существование <...> есть не что иное, как сеанс самогипноза с принудительным выходом из транса» [5, с. 21]. Наконец, на фундаментальную природу страдания, присущую жизни, указывает героиня «Священной книги оборотня», когда спрашивает у таксиста: «Ясно ли вам, что страдание и есть та материя, из которой создан мир?» [6, с. 41]. Утверждение положения о болезненности человеческой жизни сопровождается у Пелевина деконструкцией концеп-

ций, обосновывающих позитивные стороны существования. В первую очередь, это касается эстетических категорий, что наглядно выражается в *мотиве обманчивости красоты* как очередного представления, созданного умом. Красота у Пелевина оказывается кантовской «вещью в себе», которая поэтому никак не может быть познана, достигнута или присвоена, ибо находится, по определению лисы А, «in the eyes of beholder» («в глазах смотрящего») [6, с. 109]. О том, что красота подобна «золотой этикетке на пустой бутылке» [7, с. 356] и пуста от самобытия, поскольку представляет собой «выстроенный умом образ» [7, с. 352], а «того, что ищет за ней опытный разум, просто не существует» [7, с. 354-355], рассуждает Пётр Пустота.

Важным мотивом в романах Пелевина, вполне укладывающимся в русло деконструктивистских разработок постмодернистов и становящихся средством воплощения идеи абсурда, является разоблачение ущербности и деградации современной массовой культуры. Здесь следует отметить, что парадокс разоблачения массовой литературы на страницах произведения, которое само относится к паракультуре, прекрасно сознаётся самим Пелевиным, о чём свидетельствует появляющееся в «Священной книге оборотня» высказывание А Хули: «дорогая вещь в оправе из демонстративного презрения к дороговизне» [6, с. 106] и идущее вслед за ним упоминание об Абрамовиче и Че Геваре (последнее представляет собой отсылку к «Generation «П», в частности, к статье об идентичности, где говорится о политкорректном бунте молодёжи против мира, а также к нестандартной рекламе, про которую герой романа Морковин говорит, что она «глубоко антирыночна по форме и поэтому обещает быть крайне рыночной по содержанию» [4, с. 265]). Так, на пошлость вкусов толпы в романе «Чапаев и Пустота» указывает Пётр Пустота, замечая по поводу выступления чревовещателя Сраминского, выдающего своё умение за способность разговаривать ягодицами, что для того, чтобы привлечь её интерес, необходимо что-нибудь «непристойно-омерзительное», поскольку «только что-то похабное способно вызвать к себе живой интерес публики» [7, с. 344]. Коммерциализация культуры снижает её общий уровень, ибо, как отмечает сведущая в законах бизнеса лиса А, «если в клиенте проснётся самое высокое мы потеряем клиента» [6, с. 52]. По мнению Че, главным необходимым компонентом произведения, определяющим интерес к нему, в будущем станет «большая чёрная сумка, набитая пачками сто долларовых купюр» [4, с. 128]. Абсурдно-гротескная картина ультрасовременной выставки произведений искусства представлена писателем в финальной главке романа («Золотая комната»), где вместо самих шедевров посетители рассматривают чеки, подтверждающие их приобретение организатором.

Кроме того, абсурдные образцы вырождения современного искусства в изобилии представлены в романе «Числа», где появляется поэма криминального «авторитета» «Человек», отрывок из первого романа, написанного на «народном» языке и, наконец, продукт «гей-драматургии» – пьеса

«Доктор Гулаго». Знаменательно, впрочем, что довольно незначительную роль писатель отводит культуре в принципе, безотносительно к её качеству. Так, в «Чапаеве и Пустоте» романе искусство и литература в рамках общего буддийско-нигилистического мировосприятия писателя характеризуются как «суетливые мошки, летавшие над последней во вселенной охапкой сена» [7, с. 383], а в «Священной книге оборотня» они отступают на второй план перед заграничной экономической экспансией, вследствие которой русской культуре отводится роль «плесени на нефтяной трубе».

Характерной чертой, сближающей Пелевина с другими русскими постмодернистами и проявляющейся во всех романах прозаика, является широкое использование образности, связанной с «телесным низом» (М.М. Бахтин), равно как и употребление сопутствующей ей табуированной лексики. Однако, в отличие от текстов других постмодернистских писателей, у Пелевина мат используется не только для передачи экспрессивной речи персонажей (хотя и для этого тоже), но и для выражения глубокого философского содержания. Писатель употребляет ненормативную лексику нетрадиционно, осмысляя её значение, и органично вводит мат в сюжетную ткань своих произведений, делая его изъятие без серьёзного ущерба для содержания невозможным. Так, нельзя понять идею «Generation «П», если попытаться выкинуть из текста пса с пятью ногами. Вместе с тем, например, в высказывании Ханина «Творцы нам тут на х... не нужны» [4, с. 99] писатель не вкладывает в матерное слово никакого дополнительного смысла, употребляя его исключительно для выражения повышенной экспрессивности фразы и создания выразительного речевого портрета персонажа. Ярким примером необычного использования мата, подчеркивающего идею абсурдности реальности и языковыми средствами, является употребление слова «сука» в романе «Чапаев и Пустота», где оно интерпретируется главным героем как «уменьшительное от «суккуб» [7, с. 158]. Так расхожее выражение «Все бабы суки» [7, с. 158] становится в тексте Пелевина глубокомысленным определением женщин как демонов, соблазняющих людей во сне, где сон – сама жизнь. Подобное этимологическое «превращение» свидетельствует о самозначимости формы в произведениях литературы абсурда: софизм определяется в логике как высказывание, формально кажущееся правильным, соответственно с этой точки зрения многократное оперирование высказываниями, которые состоятельны лишь формально, делает пелевинского героя сознательным проводником соответствующей идеи, а именно идеи о том, что абсурд есть смысловой хаос, нарочито и демонстративно упорядоченный формально. Прагматический смысл оказался сведенным к общеизвестному логическому закону - закону тождества (Всякая сущность совпадает сама с собой): действительно, ничто не может быть одновременно «тем же самым» и «другим» - и тут на стороне персонажа аппарат формальной логики, противостоять которому безрассудно. Перед читателем «абсурд последовательный», подчиненный

языковой логике с точки зрения этимологии, но нарушающий семантические связи понятий.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что приемы абсурдизации, посредством которых В. Пелевин выстраивает собственные тексты, оказывается инструментом познания и изображения фантазмагорической реальности, основанной на антиномии нормы-абсурда, способом осмысления сознания героя-маргинала, метафорой, в процессе развертывания которой вскрывается алогизм современного мира (культурного, социального) с его идеей смыслоутраты. Средствами воплощения ее становятся в романах В. Пелевина мотив иллюзорности бытия, мотив хаоса, мотив непонимания и одиночества, мотив болезненности существования, мотив обманчивости красоты, мотив вырождения современной культуры. Значительная часть из них заимствована из восточных религиозно-философских учений, в частности буддизма, другие же «смысловые повторы» органично вписываются в общую фрагментированную, хаотичную, абсурдную и лишённую единого организующего начала постмодернистскую картину мира. Заметим, что в творчестве В. Пелевина подобные «жесты» показа абсурдности вообще любой утопии, системы, касаются претензий советской и постсоветской идеологической системы на тотальное объяснение мира и устройства утопии на земле.

Список литературы:

1. Богданова, О. В. Современный литературный процесс (К вопросу о постмодернизме в русской литературе 70-90-х годов XX века). – СПб.: фил. фак. СПбГУ, 2001. – 252 с.
2. Вдовиченко О. В. Культурфилософский контекст абсурда в художественном сознании России рубежа XX-XXI вв. (на материале творчества В. Пелевина, Д. Липскерова): дис. ... канд. культурологии. – Саранск, 2009. – 170 с.
3. Осьмухина О.Ю. Специфика освоения набоковских приемов в романах А. Битова и В. Пелевина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – Пенза. – 2010. № 4. – С. 122-129.
4. Пелевин, В. О. Generation «П»: Роман. – М.: Вагриус, 2002. – 336 с.
5. Пелевин, В. О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Роман и рассказы. – М.: Эксмо, 2005. – 384 с.
6. Пелевин, В. Священная книга оборотня: Роман. – М.: Эксмо, 2004. – 384 с.
7. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота: Роман. – М.: Эксмо, 2002. – 399 с.
8. Стафеецкая, М. Феномен абсурда // «Мысль изреченная...»: Сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т филос. – М., 1991. – С. 139–146.
9. Феномен абсурда в литературном сознании России рубежа XX–XXI вв. (на материале творчества Д. М. Липскерова) / Махрова Г. А., Осьмухина О.Ю. // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – Тольятти. – 2012. – №3 (10). – С. 73–82.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ

Якушева Наталья Юрьевна

*Аспирант кафедры «Философия, социология и право»
Дальневосточного государственного университета путей сообщения
г.Хабаровск*

MODERN UNDERSTANDING OF COGNITIVE PROCESSES, PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC ASPECTS

Аннотация: В рамках онтологии когнитивных процессов особый интерес вызывает тот факт, что при наличии огромного объема накопленных экспериментальных данных, к сожалению, не происходит их должного теоретического осмысления, то есть теория не поспевает за практикой. В такой ситуации существует риск концентрации исследований на узко прикладных проблемах, отдельных темах, которые в основном ориентированы на конкретный субъект когнитивного процесса. Такой специализированный экспериментальный подход не позволяет делать обобщения теоретико-методологического характера, поскольку не позволяет научной мысли выйти за пределы рамок, предложенных конкретным экспериментом.

Summary: Within ontology of cognitive processes special interest represents the fact that in the presence of the huge volume of the saved-up experimental data, unfortunately, there is no their due theoretical judgment that is the theory doesn't keep up with practice. In such situation there is a risk of research concentration on tightly applied problems and case-study with separate subjects (cognitive processes at school students, students, at disabled children, etc. who are generally focused on concrete subject of cognitive process. Such specialized experimental approach doesn't allow to generalize the methodology as scientific thought of framework limits offered by concrete experiment.

Ключевые слова: когнитивные процессы, память, мышление, когнитивные эксперименты.

Keywords: cognitive processes, memory, thinking, cognitive experiments.

Трудно не согласиться с утверждением, что решающую роль в развитии исследований познавательных и мыслительных процессов сыграла «компьютерная революция», благодаря которой в когнитивных науках сформировались два основных направления. Первое посвящено созданию компьютерных моделей, которые рассматриваются как наиболее адекватные имитации человеческого познания. В рамках второго направления разрабатываются экспертные системы, целью которых является обобщение экспертного уровня знаний в конкретных областях.

Таким образом, большинство исследований посвящено объяснению тех механизмов, которые участвуют в ментальных процессах и могут быть эмпирически зафиксированы, например рассуждения, планирование, распознавание объектов и т.д. [4, p.112]

Говоря о целостности и непрерывности когнитивного процесса, следует заметить, что познание внешнего мира невозможно без процесса самопознания. Последнее относится не к восприятию внутренних содержаний сознания, а к восприятию тела субъекта и его места по отношению к другим предметам и событиям. На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что источником когнитивных процессов является не совокупность отдельных изолированных способностей, а интегральное целое, имеющее способность к самоорганизации. Восприятие, понятое как активный процесс извлечения информации, презентует субъекту те качества внешнего мира, которые коррелируют с возможностями его деятельности в окружающем мире.

В экспериментальных исследованиях когнитивных процессов особое внимание уделяется изучению человеческой памяти. В частности, известен тот факт, что человеческая память избирательна. Она не восстанавливает с одинаковой быстротой все многообразие предметов, событий, ситуаций. Как правило, часто повторяющиеся события имеют свойство восстанавливаться быстрее, чем реже встречающиеся. Подобная способность человеческой памяти вполне может рассматриваться как следствие эволюционного процесса, продукт естественного отбора [6, p.668]. В самом деле, выбор и учет из всего многообразия именно повторяющихся событий обладает существенным значением для возможности предсказания будущего хода событий, что в конечном итоге положительно влияет на возможность выработки адаптивно успешного поведения.

В современной науке, изучающей те или иные аспекты когнитивных процессов, также существует дискуссия о так называемом «полезависимом» и «полenezависимом» когнитивных стилях, «аналитической» и «холистской» стратегиях переработки когнитивной информации. Дихотомия «полезависимого» и «полenezависимого» когнитивного стилей отражает присущие индивидам и целым группам различия в способности дифференцировать, отделять воспринимаемый объект от области его существования. Было в частности, замечено, что представители тех сообществ, в которых ведется оседлый образ жизни, доминирует сельскохозяйственный труд, вынуждены постоянно координировать свои действия с другими индивидами. Склонность воспринимать объект вместе с его окружением, то есть приверженность к полезависимому стилю, развита у этих индивидов, как правило, выше, чем, например у охотников-собирателей, чей мобильный образ жизнедеятельности, относительно простые социальные отношения, располагают больше к деконтекстуализации объекта восприятия, то есть к полenezависимому стилю. Таким образом, врожденная с точки зрения эксперимента с младенцами склонность к восприятию вещи в ее целостности,

может получить разное в зависимости от социокультурных факторов преломление.

На сегодняшний день есть веские основания полагать, что указанные когнитивные различия не в последнюю очередь связаны с особенностями западной, американской культуры, социума, с одной стороны, и восточной культуры - с другой. [3, с.147]

Предположительно тесная социальная сеть взаимных обязательств и ролевых отношений способствовала развитию у представителей восточной культуры повышенной чувствительности к тому целому, контексту, в котором существует объект восприятия, мышления. Одной из ключевых характеристики западного менталитета считается стремление индивида к независимости, благодаря которому на передний план в модели мышления выдвинулась способность выделения объекта из контекста и категоризации его атрибутов. Напротив, особая значимость идеала социальной гармонии, характерная для восточной культуры, поощряла мышление в аспекте поиска «срединного пути», примиряющего противоположности. Приоритет личной независимости, свободы, наоборот, способствовал распространению словесных дебатов, дискуссий и как следствие утверждению идеала логической последовательности и согласованности суждений.

Стоит заметить, что различие холистской и аналитической когнитивных стратегий отчетливо проявляется на примере такой когнитивной процедуры как объяснение. Данное обстоятельство особенно важно, так как оно позволяет еще раз увидеть односторонность исключительно генетической или социальной обусловленности когнитивных процессов. С одной стороны, современные научные изыскания в рамках психологии развития дают основания считать, что Ж. Пиаже существенно недооценил способность детей к пониманию каузальных отношений. Психологические эксперименты показывают, что движение неодушевленных объектов без каких бы то ни было внешних сил, а также внезапное исчезновение и появление предметов вызывает удивление у детей самого раннего возраста. С другой стороны, как показывают кросскультурные исследования, сама склонность к каузальному объяснению может принимать различное направление. Так, можно ожидать, что американцы, западноевропейцы, которым свойственно деконтекстуализировать объекты, будут склонны объяснять те или иные/ действия, события, ссылаясь на свойства самого объекта, тогда как представители восточной культуры, объясняя те же самые явления, будут скорее обращаться к отношениям между объектом и контекстом. При этом отмеченная разница распространяется не только на сферу социальных событий, но и на явления, которые непосредственно ей не принадлежат. Так, выступают ли объектом объяснения преступные действия людей или движения рыб, американские испытуемые устойчиво обращаются к предполагаемым внутренним свойствам объекта, а китайцы к внешним, контекстуальным факторам [9, p.205].

Существует еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать, в связи с обсуждением «врожденных» и «приобретенных» начал в структуре когнитивных процессов. Многие из вышеупомянутых экспериментов, демонстрирующих влияние социокультурной сферы на когнитивные процессы, касались, главным образом, сознания взрослого человека. Между тем, представляется важным заметить, что зависимость когнитивных процессов от социокультурных факторов проявляется уже на ранних стадиях когнитивного развития человека.

Как показывают исследования последних десятилетий, влияние культурных факторов особенно заметно на стадии конкретных и формальных операций. Особый интерес в данном отношении представляют задачи, тестирующие способность ребенка к так называемому сохранению или консервации. Сохранение есть главная составляющая компетенции ребенка, позволяющая игнорировать изменения, непосредственно воспринимаемые в мире, и различать за ними неизменность и непрерывность существования. Типичная задача на сохранение выглядит следующим образом. Ребенку демонстрируют два изображения, которые идентичны по определенному признаку. Испытуемый выражает свое согласие с фактом идентичности изображений. Впоследствии в одно из изображений вносятся изменения и ребенку вновь задается вопрос о том, являются ли изображения по-прежнему идентичными или они отличаются друг от друга. Задачи на сохранение могут относиться к различным атрибутам объекта, например, к массе, длине, количеству [10, p.204].

Как правило, стадия формальных операций, связанная с развитием логического и абстрактного мышления, оказывается недоступна прежде всего для тех индивидов и групп, которые по тем или иным причинам не охвачены системой школьного образования. В то же время абсолютизировать значение данного обстоятельства не стоит. Нередко дети, которые плохо справлялись с задачами на сохранение, включение предмета в класс и т. д., оказываются более успешными после того, как эти задачи сформулированы в более привычном, естественном для них контексте. Так, после того, как в одном из экспериментов традиционная задача на сохранение была облечена в игровую форму, процент детей предоставивших правильный ответ увеличился с 16 до 63 процентов [11, p. 88]. Данное обстоятельство говорит о том, что когнитивные процессы крайне чувствительны к тому контексту, в котором они существуют и функционируют.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что когнитивные процессы испытывают влияние как со стороны эволюционно-биологических, так и социокультурных факторов. Так, представляется справедливым тот факт, что определенные системы восприятия, памяти, мышления сложились под давлением естественного отбора, возникли как адаптации, обеспечивающие выживание и воспроизводство человека как биологического вида. В то же время, однако, приходится признать, что когнитивные способности, процессы с необходимостью обусловлены и соци-

окультурными факторами - ценностями, традициями, конвенциями, языком, имплицитным способом членения, описания, категоризации действительности. В этой связи, распространенная ныне в сфере когнитивистики аналогия между работой человеческого мозга и функционированием компьютера справедлива лишь отчасти. С одной стороны, человеческий мозг действительно перерабатывает информацию на основе сформировавшихся в ходе биологической эволюции «программ». Но, с другой стороны, развитие социума, культуры, самой среды жизни, испытывающей колоссальное влияние антропогенных факторов, предъявляет свои требования к работе мозга, вынуждает его «перестраиваться», запускать новые «когнитивные программы». В этом принципиальное отличие человеческого мозга от современных компьютеров, которые хотя и обладают определенной способностью к самообучению, пока что не могут подкрепить без помощи человека свою «когнитивную эволюцию» эволюцией собственного «железа».

Далее, едва ли на основе имеющихся сегодня данных можно сказать, каким образом биохимические процессы в нейронах и изменения в нейроструктурах взаимосвязаны с когнитивными функциями, как на основе этих взаимосвязей возникают и генетически закрепляются адаптивно ценные сдвиги в процессах переработки мозгом когнитивной информации. Тем не менее, сам факт наличия генетически контролируемых когнитивных форм и поведенческих репертуаров, сомнений не вызывает [11, p.83].

Предпринятый анализ ряда когнитивных процессов в аспекте их обусловленности эволюционно-биологическими и социокультурными факторами дает основания считать, что сама граница между «биологическим» и «культурным», «врожденным» и «приобретенным» является скорее всего скользящей, диффузной. Действительно, ряд эмпирических данных, связанных, главным образом, с модулярной гипотезой, говорит о том, что процессы переработки когнитивной информации, ведущие от сенсорных фильтров к восприятию, осуществляются автоматически, на основе сформировавшихся в ходе биологической эволюции «алгоритмов», «программ». В то же время работа восприятия кооперируется с когнитивными способностями, которые в значительной степени обусловлены социокультурными факторами - памятью, вниманием, мышлением. Данная кооперация как раз и снимает резкое разграничение биологических и культурных, врожденных и приобретенных начал в составе познавательного опыта [12, p.15-16].

Наконец, рассмотрение эволюционно-биологических и социокультурных детерминаций позволили обнаружить еще одно немаловажное обстоятельство, а именно: познавательные процессы демонстрируют особую чувствительность к тому контексту, в котором они осуществляются. На экспериментальном уровне испытуемые проявляют успех в решении познавательных задач только тогда, когда сами задачи реализуются в определенных условиях, специальных ситуациях, что дает возможность сделать

следующий вывод: существуют не только общие, применимые к любым ситуациям познавательные стратегии, правила, критерии, но и частные, ориентированные на специфические, конкретные ситуации, что свидетельствует об определенной контекстуальности, ситуативности когнитивных процессов.

Следует отметить, что в настоящее время в онтологии когнитивных процессов происходит очевидный сдвиг в сторону исследования корреляции внешних техногенных факторов и способности человеческого мышления. В частности, за последние два года в отечественной и зарубежной науке появился целый ряд работ, посвященный исследованию влияния информационных технологий на когнитивный процесс осознанного типа.

Исследования в данном направлении проводятся на основе междисциплинарного подхода в рамках прикладных исследований на базе когнитивной психологии, неврологии и интерактивной технологии. В отечественной науке предпринимаются попытки теоретического осмысления новых задач в рамках указанного направления. При этом в большинстве исследований в качестве основных факторов, влияющих на когнитивный процесс, рассматриваются такие феномены современности, как гипертекстуальность современной культуры, постоянный рост информатизации и, как следствие – постоянно увеличивающийся поток информации, которым вынужден оперировать субъект когнитивного процесса, а также феномен удаленной и обезличенной (электронной) коммуникации при соответствующих изменениях в языке. Смещение акцента на коммуникативный аспект когнитивного процесса приводит многих исследователей в область изучения «массового сознания». Здесь, на наш взгляд происходит парадокс – «массовое сознание», не имея конкретного субъекта, не является носителем когнитивного процесса и, тем самым, не может рассматриваться как следствие трансформации сознания индивидуального на когнитивном уровне [13, p.709].

С другой стороны, полученные экспериментальным путем данные позволяют исследователям сделать следующий вывод: чем выше информационная нагрузка, тем более когнитивный процесс смещается в плоскость бессознательного, что проявляется в «интуитивном абсорбировании» полученной информации с последующей ее обработкой на уровне подсознания. С этой точки зрения, можно говорить о том, что в онтологии когнитивных процессов происходит постмодернистская трансформация основных направлений исследований, которые концентрируются на попытках найти ответы не на вопрос «как», а на вопрос «почему бы и нет» [14, p.203].

В результате постулирование основных тезисов в работах нового направления исследования когнитивного процесса все в большей степени строится на экспериментальных данных, полученных в ходе взаимодействия сознания индивида с технологической информационной средой. Иными словами, намечается тенденция к смещению приоритета в исследо-

ваниях когнитивных процессов в сторону изучения воздействия новой информационной среды, а не внутренних механизмов, движущих когнитивным процессом. Тем не менее, такого рода внешнее воздействие нельзя не учитывать, поскольку в современном обществе человек ежедневно подвергается массивным «информационным атакам». Однако задача исследований все же должна заключаться не только в изучении внешних факторов, но и в том, насколько глубоко данные факторы информационной среды способны оказывать влияние на корреляцию осознанного и бессознательного уровней когнитивного процесса [15, p.387].

Подводя итог всему, сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

1) Онтология когнитивных процессов развивалась до настоящего времени в основном в направлении изучения внутренних механизмов когнитивного как неотъемлемой части субъективного «я». Интерес исследователей концентрировался в основном на проблеме четкого определения самого понятия «когнитивного», причем данный термин в трактовке многих исследователей имел достаточно малые расхождения. Моделирование когнитивных процессов позволило выявить их основных механизмы как на осознанном, так и на бессознательном уровнях.

2) В настоящее время происходит смещение акцента в исследованиях когнитивных процессов в сторону изучения воздействия внешних факторов динамичной информационной среды, причем огромный объем эмпирических данных все продолжает нарастать, не получая должного теоретического обобщения. На наш взгляд, в последствии такая тенденция в изучении когнитивных процессов может привести к кардинальному разрыву между теорией и практикой.

3) При общем единстве понимания семантики термина «когнитивное» в научной литературе до сих пор нет единства мнений относительно того, как именно определять феномен когнитивного на его динамическом уровне – в равной степени в историографии вопроса используются «когнитивные процессы» (что предполагает их классификацию), и «когнитивный процесс» (что предполагает выявление его уровней и стадий). Не претендуя на разработку детальной классификации «когнитивных процессов», можно предложить следующее собственное определение когнитивного процесса, опираясь на которое в дальнейшем будет проводиться соответствующий анализ: *под когнитивным процессом можно понимать процесс абсорбции, переработки и трансформации информационных потоков из внешней динамической среды и в рамках внутренней рефлексии на двух уровнях – осознанном и бессознательном.*

При таком понимании когнитивного процесса учтены как внутренние, так и внешние факторы воздействия на субъекта когнитивного процесса, в частности, удастся учесть и новое направление в исследованиях когнитивного под влиянием информационной техногенной динамически развиваю-

шейся среды для последующего выявления влияния на бессознательную составляющую когнитивных процессов.

Литература:

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. -Т. 1 / Борис М. Величковский. — М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. - 448 с.
2. Kihlstrom, J.F. Unconscious processes // D. Reisberg (Ed.), Oxford Handbook of Cognitive Psychology (a volume in the Oxford Library of Psychology): - Oxford.: Oxford University Press. 2010. 497 p.
3. Thagard P. Mind Introduction to Cognitive Science. Cambridge, 1996. 288 p.
4. Kirsh D., Maglio P. On distinguishing epistemic from pragmatic action // Cognitive Science. 1994. Vol. 18. P. 513-549.
5. Smith L., Gasser M. The development of embodied cognition: Six lessons from babies // Artificial Life. 2005. Vol. 11. P. 13-29.
6. Rizzolatti G., Fogassi L., Gallese V. Neurophysiological mechanisms underlying action understanding and imitation // Nature Reviews Neuroscience. 2001. Vol. 2. P. 661-670
7. Buccino G., Binkofski F., Fink G. R., Fadiga L., Fogassi L., Gallese V., Seitz R. J., Zilles K., Rizzolatti G., Freund H.-J. Action observation activates premotor and parietal areas in a somatotopic manner: An fMRI study // European Journal of Neuroscience. 2001. Vol. 2. N. 2. P. 400-404.
8. Goodale M. A., Milner A. D. Separate visual pathways for perception and action // Trends in Neurosciences. 1992. Vol. 15. P. 20-25.
9. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. Chicago, 2014.-288 p.
10. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied mind. MA: MIT Press, 2013.- 344 p.
11. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. Basic Books. 2015. 308 p.
12. Boroditsky L. Does language shape thought?: English and Mandarin speakers' conceptions of time // Cognitive Psychology. 2001. Vol. 43. P. 1-22.
13. Anderson J. R., Milson R. Human Memory: An Adaptive Perspective // Psychological Review. 1989. Vol. 96. P. 703-719.
14. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). Т. 2. СПб., 2006. С. 293—294.
15. Tulving E. Episodic and Semantic memory // Organization of memory / E. Tulving, W. Donaldson (eds.). Academic Press, 1972. P. 381-403

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Шиповская Людмила Павловна

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры туризма ИЭиК*

В современном мире туристско-рекреационные ресурсы становятся важнейшим объектом оценки качества и управления развитием региона и муниципальных образований. Каждая территория представляет собой комплексный пространственно – распределённый ресурс, компоненты которого характеризуют ее туристско-рекреационный потенциал.

Закономерности пространственной организации туризма, его поляризации, концентрации и других форм развития прослеживаются путём анализа межрегиональных и внутрирайонных трансформаций. Эти трансформации являются, как правило, результатом возникновения и пространственной передачи новшества (инновации). Инновация определяется как создание или внедрение нового явления, процесса или объекта ранее не характерного для конкретной территории. В рекреационной географии в качестве инновации могут рассматриваться новые виды туристского продукта, модели поведения туристов, модели управления и организации турбизнеса, новейшие (революционные) технологии туристского обслуживания и т.п.

Термин «туристско-рекреационный потенциал территории» еще недостаточно хорошо вошел в научную сферу, занимающуюся вопросами развития рекреации и туризма. Правомочность такой трактовки определяется тесным взаимодействием рекреации и туризма, преобладанием в них социально-экономической сущности, интенсивным развитием соответствующего направления хозяйства, развивающегося сегодня на основе рыночных отношений.

Научная трактовка понятия «туристско-рекреационный потенциал территории» неразрывно связано с определениями «рекреация» и «туризм». Рекреация и туризм понятия близкие, но не совсем тождественные. Рекреация включает в себя многие виды туризма, экскурсионные поездки и различные формы отдыха без перемещения за пределы обычной среды. Можно сказать, что *туризм – важнейшая составная часть рекреации.*

Все термины, включающие слово «рекреационный» ориентированы преимущественно на вопросы, связанные с туризмом или с отдыхом вообще. Рекреация включает кратковременную рекреационную активность в рамках повседневности. Туризм же, наоборот, отрицает любые проявления обыденности, будничности, рутинности. На этом основании краткосрочные оздоровительные, культурно-познавательные, развлекательные и другие занятия, которые мотивационно сходны с туристской деятельностью,

но осуществляются в пределах обычной для людей среды, оказываются за пределами «понятийной рамки» туризма¹.

Природный фактор имеет первостепенное значение для развития рекреации и туризма. Важную роль в привлечении туристов играет совокупность природных ресурсов и условий территории (море, горы, реки, водопады, озера, леса, благоприятный климат и др.).

Рекреационная инфраструктура – это совокупность отраслей и учреждений, обслуживающих клиентов и формирующих рекреационные сети; под рекреационными сетями понимается сеть парков, зон отдыха, сеть курортов и т.д. Туристско-рекреационная инфраструктура включает также транспорт, коммунальное обслуживание, торговлю, бытовой сервис, связь, гостиницы, общественное питание.

Инфраструктурный фактор может оказывать решающее влияние на развитие туризма. Если в стране нет необходимой для путешественников инфраструктуры, то она не может стать популярной среди туристов.

Любое туристское путешествие сопрягается с большим перечнем объектов, характеристик природной среды, условий, состояний и факторов. Например, горный поход включает не только ландшафтные пейзажи, но проходит в фоновых климатических условиях. Эстетические свойства ландшафта, являясь всеобщей характеристикой любой территории, одновременно являются и одними из важных показателей взаимоотношений между человеком и окружающей средой. Несмотря на то, что в туризме, пока, отсутствуют специальные тематические путешествия, ориентированные на восприятие красоты ландшафта, в подавляющем большинстве туристских мероприятий эстетические свойства ландшафта воспринимаются как необходимый и значимый элемент туристского продукта и показателей ресурсов территории. В настоящее время эстетические свойства ландшафта приобретают все большую и большую значимость во всех видах туризма.

А познавательная ценность – является сущностной характеристикой любого материального объекта, целевых познавательных путешествий и буквально всех путешествий в различной степени. Путь познания бесконечен. Чем больше мы знаем об объекте, тем интереснее он становится для нас и тем большими познавательными свойствами он обладает. Это положение означает, что познавательным потенциалом обладают буквально все объекты и территории.

Комплексное освоение туристско-рекреационной зоны осуществляется на основе градостроительного и инвестиционных проектов развития туристской инфраструктуры в определенной зоне. Достижение максимальной эффективности при размещении туристской инфраструктуры предполагает компактность. Развитие территории в

¹ Замятин Д.Н. Географические образы: что это такое? //Вестник МГУ. Сер. 5. геогр. 2002. №4.

рамках комплексного освоения туристско-рекреационной зоны предполагает комплексную застройку в рамках единой концепции с учетом выбранной туристской специализации на основе оценки туристско-рекреационного потенциала. На основе инвестиционных проектов комплексного освоения туристско-рекреационной зоны определяется инвестиционная емкость зоны для дальнейшей разработки механизмов привлечения инвестиций.

В рамках формирования имиджа туристско-рекреационных территорий региона целесообразно выделять два направления: создания имиджа туристской привлекательности и имиджа инвестиционной привлекательности в целях развития туристского комплекса региона. При формировании имиджа территории определяется целевая установка — возможность узнавания территории с сопутствующей актуализацией отношения к территории различными группами потребителей, в нашем случае туристами и инвесторами. В процессе формирования имиджа туристско-рекреационных территорий региона необходимо, чтобы принимали участие следующие субъекты регионального имиджмейкинга: органы региональной власти регулирования развития туристского комплекса; региональные туристско-информационные центры; агентства инвестиционного развития территорий; бизнес-структуры и их объединения.

Объектами туристско-рекреационного имиджмейкинга являются целевые аудитории, на которые направлено коммуникативное воздействие. Основные объекты делятся на две группы: внешние объекты: туристы, инвесторы, «внешние» средства массовой информации (международные, федеральные) и внутренние: жители региона, внутренние инвесторы (в свою очередь, могут подразделяться на более узкие сегменты в зависимости от целей).

Концептуальной основой формирования имиджа туристско-рекреационных территорий региона является: разработка стратегического плана туристского развития региона и на его основе инвестиционного плана; разработка плана продвижения туристско-рекреационных территорий региона для туристов и инвесторов, ориентированного на продвижение его уникальных особенностей с учетом всех имеющихся и потенциальных ресурсов; определение миссии туристско-рекреационных территорий региона и т.д.

Деятельностная составляющая формирует имидж посредством постоянных коммуникационных процессов и взаимодействия с общественно-политической средой, в результате чего у целевых групп появляются определенные представления и установки. Наиболее важными приемами являются следующие: организация событий и специальных мероприятий, направленных на формирование туристского и инвестиционного имиджа туристско-рекреационных территорий региона; организация информационного мониторинга; проведение социологических исследований (данный инструмент позволяет оценить эффективность мероприятий по управле-

нию имиджем), выход туристско-рекреационных территорий региона на федеральный и международный уровень с представлением своих достижений; издание имиджевых спецвыпусков и презентационной литературы, рассчитанной на целевые группы, получение международных и российских рейтингов, например инвестиционной привлекательности туристско-рекреационных территорий региона; формирование и продвижение брендов туристско-рекреационных территорий региона и т.д.

При формировании туристского и инвестиционного имиджа необходимо учитывать наличие в его структуре и актуализация эмоциональной составляющей. Имидж призван оказывать эмоционально-психологическое воздействие на объекты. При определении соотношения рационального и эмоционального компонентов воздействия важно учитывать особенности объектов воздействия. Так для потенциальных инвесторов важен рациональный компонент имиджа туристско-рекреационных территорий региона, для туристов – эмоциональный. Информационные потоки для данных групп потребителей имиджа необходимо разделять.

Основными составляющими туристского имиджа туристско-рекреационных территорий региона как комплекса ассоциативных представлений относятся географическая, культурная, этническая, историческая, инфраструктурная, которые необходимо рассматривать в комплексе.

Размещение туристско-рекреационной системы в пространстве, как правило, определяется природной аттрактивностью (влечение, привлекательность, притягательность, притяжение, симпатичность), культурно-историческими событиями, свойственными этой местности, и уровнем социально-экономического положения, сформировавшегося за предшествующие периоды развития.

Бурное развитие туризма, особенно в последние три десятка лет, привело к качественному изменению традиционных представлений о туризме как отрасли.

Во-первых, теперь чаще оперируют понятием туристская сфера, нежели отрасль.

Во-вторых, устарели представления о рекреационных потребностях человека, когда лишь природно-климатические условия отдыха определяли и направление турпотока, ориентируя отдыхающего на пассивное времяпрепровождение в одной точке, в «рекреационном оазисе». Отдых современного человека в постиндустриальном обществе характеризуется, прежде всего, высокой подвижностью (физической и транспортной), и определяется не столько природно-климатическим фактором, сколько содержательной программой, которая теперь чаще всего вовсе не зависит от какого-либо ресурса, в традиционном его понимании. Это следствие глобального изменения характера затрат сил человека. Психо-эмоциональная составляющая, которая теперь лидирует в совокупности живых производительных сил человека, требует иных способов восстановления, нежели фи-

зическая, которая до того определяла характер затрат сил и способов отдыха.

В-третьих, изменились представления о рекреационных ресурсах, вернее, они обогатились включением в хозяйственный оборот «всего остального», что до недавнего времени никоим образом ресурсом считаться не могло. Человеческая любознательность всеядна, только нужно уметь ее удовлетворить, а потому в умелых руках туристского менеджера – концептуалиста, абсолютно любой объект, любое явление, любое событие, любая географическая точка могут стать привлекательными для туриста. В четвертых, туристская инфраструктура утратила свою специфичность. Теперь для туриста, нежелающего проводить время в границах лишь «туристских оазисов», нужна вся инфраструктура территории, на равных с местным населением.

В-пятых, резко возросла в туризме роль «человеческого фактора». Если раньше качество туристской услуги определялось, прежде всего, качеством материальной базы, то теперь эти факторы производства поменялись местами. Можно привести немало примеров успешных туристских маршрутов, функционирующих в условиях примитивных средств размещения (экстремальный туризм, сельский туризм).

Туризм демонстрирует устойчивое развитие, не только потребляет ресурсы, но и превращает в ресурс то, что не является в общем понимании ресурсом (например, красивый ландшафт и др.).

Туризм – чёткий преобразователь, мультипликатор в сфере денег, но и мультипликатор в логике устойчивого развития. Туристика – метанаука (в отличие от физики, химии), подобно философии, истории, географии, в ней важны синтез, синергетика, ключевые понятия: персонал, инфраструктура, люди, индустрия туризма, рекреационная система, при этом целевой функцией является удовлетворение рекреационных потребностей.

Сфера туризма в современном мире оказалась самая трудоемкая по критерию затрат живого труда на единицу конечного потребителя. К слову, это счастливое обстоятельство, поскольку технический прогресс в материальном производстве теперь ежегодно высвобождает десятки миллионов рабочих рук, которые поглощаются в немалой степени сферой туризма.

Прежде бытовало мнение, будто в сфере обслуживания массовые профессии не требуют профессиональных знаний, преподнесенных в учебных аудиториях, и тем более в высшей школе. Само производство, мол, научит. Не видели разницы между понятиями «обучение» и «образование». Обучались на рабочем месте, будучи малообразованными.

Теперь положение коренным образом изменилось. Материальная база ушла на второй план, на первый – вышел человек, который должен быть «технологичен», т.е. в полной мере соответствовать объекту обслуживания, ставшего более требовательным и более ухищренным в удовлетворении своих рекреационных потребностях.

Профессиональное туристское образование обладает спецификой, обусловленной тем, что сфера туризма – многоотраслевой комплекс, в котором востребованы кадры разных профилей, направлений, специальностей на разных уровнях: техническом (исполнительском), технологическом, управленческом, научном. Особенность профессионального образования – необходимость развития и постоянного совершенствования гибкой многоуровневой системы на основе профессиональных стандартов (квалификационных требований), учитывающих лучшие образцы международных стандартов качества обслуживания, в первую очередь, крупных международных гостиничных цепей.

Сфера туризма и гостеприимства – трудоемкий сектор экономики, который на сегодняшний день испытывает резкий дефицит квалифицированных кадров различного уровня профессиональной подготовки. Проблема наличия трудовых ресурсов может существенно снизить приток туристов и сократить величину доходов в бюджет страны (региона).

Литература:

1. Жердев В.Н. Научные основы рекреационного природопользования Воронежской области/ В.Н.Жердев, Т.Н. Зязина. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2003. – 164 с.

2. Замятин Д.Н. Географические образы: что это такое? //Вестник МГУ. Сер. 5. геогр. 2002. №4.

3. Шиповская Л.П. Человек и его потребности М. Инфра-М, Альфа – М. 2014 стр. 359-363